

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Прозоры

Сергей Недоруб
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ДОЗОР

Дозоры

Сергей Недоруб

Севастопольский Дозор

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Недоруб С. И.

Севастопольский Дозор / С. И. Недоруб — «АСТ»,
2016 — (Дозоры)

ISBN 978-5-17-097409-2

Ночной и Дневной Дозоры Севастополя насчитывали десять Иных – до того дня, пока все они таинственным образом не исчезли. Поиски, проведенные с привлечением лучших магов России при участии Инквизиции, не увенчались успехом. Спустя год со всей страны собирают десять новых Иных и отдают им приказ: собраться вместе в Севастополе и... все. Что они должны сделать: отыскать пропавших, заменить их, основать Севастопольский Дозор? Но ведь известно, что все десять по разным причинам непригодны к работе в Дозорах. Так в чем же их миссия?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097409-2

© Недоруб С. И., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1 часть	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Недоруб

Севастопольский Дозор

Автор идеи С. Лукьяненко

© С. Лукьяненко, 2013

© С. Недоруб, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

1 часть

– Назови меня...

Стройная, манящая, нежная. Непередаваемый симбиоз феи и ведьмы, словно шутка Изначальных Сил надо мной и всеми, кто попадет под ее чары. Красные волосы едва достают до плеч, обжигая мои пальцы, которыми я касаюсь ее щек. Зеленые глаза разглядывают меня с любопытством, аннексируя мои дороги в Сумрак, пытаюсь найти способ стать раньше срока той, кем ей суждено.

– Ведающая, – шепчу я в ответ.

– Повтори... – Ее дыхание наполняет меня умиротворением.

– Веда. Ты моя Ведающая...

Глава 1

Высочивший из-за горы луч утреннего солнца разбудил меня в одно мгновение. Покрутив головой по сторонам, я вспомнил, что нахожусь в такси. Монотонно гудящий климат-контроль, пыльная дверная ручка и отсутствие счетчика – полный букет атрибутов крымского перевозчика типа как повышенной комфортности. Все лучше, чем телепорт.

Внешняя граница невидимого Столпа приближалась с каждым километром, обещая увлекательное приключение в случае успешного попадания под него. О том, что случится, если Сумрак мне откажет, я старался не думать. Вероятно, последствия тоже с натяжкой попадут в категорию приключений, просто с другим финалом. Будем надеяться, что мой конверт в кармане плаща, с подписью шефа и печатью офиса, сработает как входной билет.

Столп отчуждения, как и полагается, оставался невидим. Редкий момент, когда меня охватывала легкая тень зависти к людям, спокойно живущим в Севастополе, не знаящим, что сейчас над ними раскинут магический шатер, в точности повторяющий внешний контур ауры города...

Как поговаривал один мой знакомый Темный, границы городов никогда и нигде не определялись градоправителями – если, конечно, правители не были Иными. И даже если были, то все равно – в подавляющем большинстве случаев все решали люди. Спонтанно, не сговариваясь, повинаясь зову сердца. Вот плетется по лесной тропе усталый крестьянин с торбой на плече, мечтая о миске похлебки, а невидимые нити предвкушения уже поползли вперед, прощупывая родную деревню за холмом и определяя, когда же настанет тот благословенный момент ощущения, что ты дома. Пройдет сотня, тысяча крестьян из разных поколений, ступая лаптями, – и каждый установит в душе свою собственную границу селения. Вон же она, за тем мостом, за фигурным камнем, перед изрезанным столбом, о который я мотыгой задеваю каждый раз. А деревенька разрастается, ширится, и мосты-столбы сменяются другими ориентирами. Я вижу знамя с лилиями на вершине башни, милорд, мы почти дома... И это «почти» расцветает в сердце как «уже», добавляя малую толику личной истины в границу города.

Сквозь века прокатятся купеческие караваны, пронесутся вражеские всадники, не спеша пройдут организованные или дикие толпы туристов – и миллионы индивидуальных предвкушений, рамок, понятий и отметок в блокнотах и навигаторах ухнут в глобальную энергетическую черту, добавляя ей очередной штрих. И со временем границы города определяются на приличный срок, пока не наступает время новых перемен.

Умный мужик был все-таки этот Темный. Хотя я не знаю, можно ли обозвать мужиком развоплотившегося Высшего вампира. И, если честно, свою теорию насчет городов Витезслав говорил вовсе не мне. Собственно, у меня и оснований нет называть его своим знакомым. Я всего-то Иной второго уровня, несущий Свет. И никогда не был знаком ни с кем из европейской элиты.

– Почти приехали, – улыбнулся ослепительными зубами таксист, не поворачиваясь ко мне. – Севастополь!

Вот где, стало быть, граница города-героя для крымского бомбилы. Арка над дорогой, через которую пронесся наш «ситроен». Я присмотрелся сквозь Сумрак – действительно, опоясывающая Севастополь черта проходила именно здесь. Но арка построена сравнительно недавно, в прошлом веке, а городу уже лет предостаточно. Скорее всего арку ставили Иные, правильно подгадав точку въезда.

Но, несмотря на все старания, аура Севастополя ощутимо распадается. Уже года два или три, как границы города неудержимо рвутся в стороны, расплываясь в сумеречном пространстве, словно городу становится тесно в своих рамках. Что примечательно, происходит этот процесс под массовые светлые эмоции. В этом нет ничего удивительного, когда почти вся Рос-

сия радостно начинает считать этот город своим. Похоже, что перекраивать сумеречные границы Севастополя будут вечно. Есть чувство, и не только мое, что уже к концу XXI столетия город поглотит Балаклаву. Неспроста шеф купил здесь недвижимость, да вдобавок и друзьям посоветовал.

Вспомнив о шефе, я решил еще раз перечитать письмо. Вытащив из кармана запечатанный конверт, я посмотрел на него через Сумрак. Буквы послушно засверкали мне навстречу фиолетовым сиянием.

«Настоящим приказываю Сергею Воробьеву, Иному второго уровня, явиться в Севастополь 16 мая сего года и в 8:00 утра стоять на вокзале, в зоне отстоя автобусов, где и ждать дальнейших указаний».

Нелепый стиль и небрежная формулировка были шефу несвойственны, это я точно знаю. По всей видимости, Великий решил перестраховаться и нарочно дал канцелярские указания на случай, если приказ вызовет вопросы у Инквизиции. Поэтому я не могу сделать ничего другого, кроме как выполнить его вплоть до буквы. Приехать на вокзал к нужному времени и стоять там, где велено.

Хотя кое о какой подстраховке я все же позаботился. Не стал вскрывать конверт. К чему ненужные телодвижения, если я и так могу прочесть текст сквозь заколдованную бумагу? Допуск на меня шеф поставил, все путем. Зато печать не сломана. Если что – я ничего не видел и не слышал, никаких указаний не имел, в Севастополь прибыл в рамках заслуженного отпуска...

Тьфу с этой конспирологией, никакой свободы воли нет! Я убрал конверт в карман. Все равно я его вскрыю на вокзале – пусть все будет как положено.

Таксист кинул на меня короткий взгляд и продолжил смотреть на дорогу. Кем, интересно, он меня посчитал? Сидит себе пассажир, отваливший кучу деревянных за рейс от аэропорта, где, похоже, переночевал без заезда в мотель. Без багажа, трезвый, с запечатанным конвертом, на который то и дело поглядывает, явно не решаясь вскрыть. Киллер?

Почему-то первая же ассоциация мне настолько понравилась, что я не удержался и дал в сторону водилы легкий посыл.

Твою же мать! Он и впрямь считает, что везет ассасина! Вот это поворот!

Для него я – самый настоящий киллер. Наемный убийца из западных боевиков, угрюмый, молчаливый, не оставляющий следов, следующий до последнего пунктика указаниям заказчика. А в конверте – имя или просто фотография, при взгляде на которую я безошибочно опознаю адрес своей цели, рост и вес.

Я отвернулся в окно, чтобы случайно не выдать лицом своего изумления. Ну и фрукт этот таксист. И не боится же везти такого попутчика.

Самое смешное, что, будь я ассасином, мне бы действительно хватило фотографии. Более чем достаточно, чтобы найти мишень в таком городе, как Севастополь. Кто знает – может, не заключи Высшие свое соглашение в прошлом, все бы так и было. Многое изменил в мире Великий Договор. А время как решало за нас, так и решает и все никак решить не может.

Оставить на выходе конверт в машине, что ли? Так, случайно забыть. Что тогда водила сделает? Особенно когда поймет, что вскрыть конверт невозможно никакими средствами.

Получилась бы шутка вполне в духе Темных.

– Вам где в городе выходить? – спросил таксист.

– На вокзале, – ответил я.

Усы таксиста непроизвольно дернулись, словно он хотел спросить, не нужно ли мне с вокзала куда-нибудь – например, обратно в Симферополь. Подобный подход к маршрутам меня перестал вымораживать уже давно, еще во времена первых визитов в Севастополь в далеком советском детстве. Даже если выползаешь с симферопольской электрички – да, бывало и такое, – все равно хор нестройных голосов со стороны пузатых, застрявших в вечных шортах

бомбил предложит увезти тебя обратно в крымскую столицу. Хотя, наверное, такой принцип оправдан – может, существуют люди, которые обожают кататься туда-сюда без причины.

В город мы заехали через Инкерман. Вроде бы в прошлый раз, когда я тут был, эта дорога оставалась закрытой. Наверняка таксист решил срезать. Повесить, что ли, «сферу невнимания» на машину? А, пусть разбирается сам. Остановят гайцы – не мои проблемы. Хотя в этом городе тормознуть могут и «зеленые человечки». Не знаю, я линии вероятности не прощупывал. Как-то не решился. Да и все равно под Столпом это не особо сработает. К тому же к Севастополю я испытываю некое необъяснимое уважение, словно позволяю ему дышать самостоятельно, определять для меня события на свой вкус и цвет. Путешествовать по нему с контролем линий вероятностей – все равно что принимать ванну в одежде. Шеф в любом случае все для меня просмотрит – проверит даже те места, о которых я понятия не имею. Пока что.

У вокзала таксист меня высадил и тут же рванул с места в карьер, скрывшись за зеленым троллейбусом. То ли действительно в ФСБ поехал, то ли тут попросту запрещена остановка, на что скромно намекал сиротливо прячущийся за верхушками кипарисов дорожный знак. Судя по притиснувшимся, как кильки в томате, частным минивэнам, никого из местных правила не смущают. Своя мафия, видать. Недаром же говорят, что есть среди людей только одна вещь хуже, чем белому явиться в Гарлем, – это с номерами 82-го региона приехать на стоянку для 92-х.

Чушь полная, ложный фольклор. Аура города не врет. Нет здесь никакого предубеждения русских к русским.

А еще в Севастополе нет кое-чего другого.

Нет Дозоров.

И нет Иных.

После событий прошлого года тут проживают люди, растения, животные, насекомые, грибы, бактерии и еще всякие мидихлорианы. Обычная жизнь обычной природы.

Но вот Иных теперь нет.

Потрепанные погодой часы на столбе показали 7:12. Присмотрев в стороне белый квадрат таблички с надписью «Зона отстоя автобусов», я сел на лавочку так, чтобы видеть его. Рядом возвышался пустующий стенд под афиши. Именно здесь в свое время гордо красовался знаменитый плакат «Хуліо Іглесіас», в первом слове которого перепутали третью и четвертую буквы. Нет, это не происки фотошопа, как считают многие, видевшие этот мем. Плакат был абсолютно реален. И впервые вывешен именно здесь, у севастопольского автовокзала...

Мысли про Иных снова заполонили мою голову, вытеснив остальную дурь.

Не так-то сложно выгнать из города оперативников. Всего-то нужно дать приказ обоим Дозорам отозвать штат и вывести всех за городские пределы. Что до остальных Иных, не имеющих отношения к Дозорам, то тут несколько сложнее, но тоже ничего особенного. Требуется поставить Столп отчуждения. Заклинание, вынуждающее Иных подсознательно избегать места, где он стоит. Что-то вроде той же «сферы невнимания», но для себе подобных. Заклинание не такое уж и трудное – когда-то я пользовался авторучкой-жезлом, несшим в себе одно-разовый Столп с диаметром метров в сто. Гуманное сдерживание. На автора заклинание не работает. Воткнул в землю и жди, пока не останешься один. Вот только зарядить амулет могут лишь Высшие, и ставить его лучше в Сумраке. Чем ниже по уровню слоев поставишь, тем шире радиус действия в нашем мире.

Столп отчуждения в Севастополе ставили лично Гесер с Завулоном. Не знаю, до какого слоя они погружались, но сработало заклинание на ура. И размах получившегося шатра меня, мягко говоря, впечатлил. Понятия не имею, как можно поставить Столп такого размера. Это нужно погрузиться в Сумрак уровня до четвертого как минимум.

Видимо, не зря Великие в последний год посещали Севастополь, хотя и по очереди.

Ночной и Дневной Дозоры Севастополя в прошлом году состояли из российских Иных. Когда полуостров торжественно переехал под знамена Российской Федерации, украинцы отозвали своих Дозорных в полном объеме. Я в то время крепко себе голову ломал, пытаюсь понять, почему они так легко отдали территорию и, главное, зачем. Никто же их не выгонял. У Иных не настолько выражены национальные черты, как у людей. Имея под рукой различия в ауре, ранге, опыте, сроках регистрации, репутации и призвании – словом, обладая колоссальным набором поводов для, скажем прямо, дискриминации, – Иные закрывают глаза на национальность. Сейчас возраст доброй половины Иных на планете превышает возраст злой половины государств. К чему пренебрежительно относиться к ведьмаку с паспортом другого цвета, если вам вместе жить и работать, пока границы не перекроются еще десятки раз?

Вот потому вопрос о том, чтобы выгнать прежних дозорных из Крыма и Севастополя, никогда не стоял. Живут себе, работают, да и пусть.

Но они ушли. Сами.

Кто дал команду – я не знаю. Лайк и фон Киссель давно не при делах, а остальных я в расчет не беру. Может, наши, московские, подсуетились. Кто ж мне расскажет, поведает о тайнах Высших?

Свято место пусто не бывает. Особенно в такой вкусняшке, как Севастополь. Гесер собрал со всей России небольшую команду Светлых, Завулон – столько же Темных. Самый минимальный костяк Дозоров. Все опытные, толковые ребята и девочки. И отправили в центр города-героя, снабдив щедрым финансированием и мощными амулетами. Тогда казалось, что мы делаем великое дело. Все в Москве улыбались, жали руки, поздравляли один другого. Вот он, славный Севастополь, теперь наш! Отсель грозить мы будем Шведу!

Я усмехнулся. Нет, Швед таки нормальный чел. Не подвел никого ни разу. Да и трудно ему там сейчас, в своем Киеве. Своих проблем выше крыши. Нечего нам ему грозить. Общее дело же делаем, если подумать.

Как бы то ни было, вскоре в севастопольских Дозорах работали российские оперативники и аналитики. Немного – десятеро. По пять в Ночном и Дневном. Вплоть до прошлого мая.

Я знаю много способов убить Иного. Не скрою – многие знаю по личному опыту. Иной может умереть так же, как человек. Нет, не так же – намного изощреннее. Иной способен сгореть, заморозиться, расплющиться, превратиться в прах, сжаться в молекулу, разбиться на кучу маленьких копий, которые начнут распадаться дальше, пока не перейдут в Силу. Да много чего может сделать Иной, чтобы перестать коптить воздух.

Но вот чего я не знаю – так это как Иной способен тупо пропасть.

Не развоплотиться, найдя вечный покой на нижних слоях Сумрака. Не скрыться на Сейшелах. Не ехидничать в своей квартире с потрепанным советским ковром и вечно полной капустных очистков мусоркой, отгородившись кучей защитных заклинаний.

А взять и бесследно пропасть.

Московские тут камня на камне не оставили в поисках ответов. Десять Иных пропадают без остатка. Десять дозорных, десять колонистов на новой территории. Территории, защищенной охранными заклинаниями в исполнении Высших. Вопрос не столько жизни и смерти, сколько престижа и самоуважения.

Ни Гесер, ни Завулон никого не нашли. А когда поняли, что не найдут, обратились к Инквизиции. Но и те, хоть рыли землю крючковатыми носами, остались ни с чем.

Пропали сотрудники нашего и чужого Дозоров. Просто исчезли, оставив офисы с включенными компьютерами, чашками кофе и недоеденными пончиками.

На расследование ушел год, и время оказалось потраченным впустую. В конце концов Высшие накинули Столп отчуждения – на всякий случай, чтобы с севастопольскими Иными ничего не произошло. Со временем все местные Иные пропали, вытесненные шатром за его пределы. И город фактически заморозился.

До сегодняшнего момента, когда сюда командировали меня. Иного второго уровня.

Время – 7:59. Я встал и пошел к белой табличке, держа конверт в руке, как внезапно услышал почти торжественный клич:

– Ночной Дозор! Всем выйти из Сумрака!

Глава 2

Это даже приятно – уметь в моем возрасте удивляться. Не важно даже, чему именно. Еще не повернув голову, чтобы узнать, кто это тут раскомандовался, я насчитал кучу нелепостей в происходящем.

Ночного Дозора в Севастополе нет – раз. Два – время для Ночного Дозора, как ни странно, наступает ночью. Темные работают днем. Светлые – ночью. Так заведено. Мактуб, чтоб его за ногу.

Третье. Я сейчас как бы не в Сумраке нахожусь. Или мне голову напекло в жарком крымском климате?

И четвертое. Голос был женским. Даже девичьим. Нежным и певучим. Предубеждений против женщин, конечно, не имею, но дело тут в другом. У оперативников, как правило, голоса поставлены как следует. Дисциплинируют дозорных с противоположной стороны, а шелупонь вроде мелких кровососов и вовсе к земле пригвождают. Хотя что это я все о Москве да о Москве...

Так что услышать в восемь утра то, что услышал я, означало начать день крайне любопытным образом.

Продолжая держать конверт, я обернулся.

Передо мной стояла молодая девушка в джинсовом полукомбинезоне – явно еще нет двадцати, и не важно, что Иные стареют медленно, если вообще соглашаются стареть. Истинный возраст всегда в глазах. У этой едва светилось совершеннолетие, да и в нем я не был уверен.

Светлая Иная седьмого уровня. Вероятно, инициированная не ранее пары лет назад. Конечно, Иным высокого ранга ничего не стоит скрыть свой истинный статус, но я нутром чувствовал – передо мной стоит натуральный продукт.

– Добрый день, – улыбнулась мне девушка. – Меня зовут Лина. Добро пожаловать в Севастополь – город корабелов!

– Город корабелов – это Николаев, – поправил я. – А Севастополь – город русских моряков.

Она смутилась. Сильно. Распустила короткую косичку и начала тут же ее плести заново.

– С кем вы сейчас говорили? – поинтересовался я. – Ну, насчет Ночного Дозора и дальше по тексту?

– Я приняла вас за другого, – ответила Лина. – Пять минут назад заметила какого-то Иного. Шел через рельсы. Погналась за ним, но упустила. Может, в Сумрак ушел...

Дело оборачивалось таким сюрсом, что я решил перехватывать инициативу. Открыв было рот, чтобы заявить, что Иных в Севастополе нет, как и Дозоров, я тут же захлопнул его снова. Уже и так понятно, что мои данные устарели. Я-то Иной, и я здесь. Как и моя бесхитростная спутница.

Глянув на Лину еще раз, я заморгал. Кое-что в ее манерах мне напомнило одно досье, которое я читал. Люблю вот на досуге почитать про братьев-Светлых из регионов. Возраст подходит, внешность... Ну, на внешность я давно не смотрю. Другое дело – специфические отличительные признаки в поведении. То, о чем я заподозрил, имелось у Лины в избытке.

– Рад познакомиться, – широко улыбнулся я, протягивая растопыренную пятерню, повернутую перпендикулярно асфальту. – Я Сергей, второй уровень. Воин Света.

– Приятно познакомиться! – засияла девушка, потрясая мою ладонь. – И приятно встретить друга-Светлого!

Еще бы не приятно. Светлые маги и магички на седьмом, самом низком уровне Силы неизменно проходят этап, когда азарт от обретенных возможностей уже несколько поугас, а связанные с властью амбиции еще не пришли. Вот на этой фазе и появляется желание пере-

весить свою работу на плечи более опытного напарника. Не знаю, кого там Лина видела на рельсах, но она определенно рада возможности взвалить сей груз на меня.

– Ты в Дозоре работаешь? – спросил я.

– Честно говоря, нет, – ответила Лина, немного помедлив. – Дозоры в Севастополе ведь закрыты. Но я давала заявку на перевод в состав какого-нибудь отделения. Поверить не могу, что меня отправили сюда. Дозоры ведь снова откроют, да?

– Заявку? – переспросил я, проигнорировав ее вопрос. – Чтобы подать заявку, ты должна была иметь начальника, который бы ее рассмотрел. То есть уже работать в Дозоре.

– Так я и работала, – заулыбалась Лина. – В Брянском отделении. Правда, кофе подавала в основном.

Я только неопределенно кивнул в ответ. Светлые не лгут, если только не Высшие. Зато полуправда и невысказанность стали второй натурой Светлых.

В брянском Ночном Дозоре я как-то был с командировкой. Запомнил новый спортзал для человеческого персонала, автопарк, состоящий исключительно из списанных маршруток, и страсть местного шефа к творчеству французской певички Ализе. А также эксперименты тамошних колдунов по альтернативному расследованию несанкционированных вампирских пиршеств. Чтобы воссоздать условия гибели донора, колдуны посыпали обескровленное тело предварительно обработанным порошком растительного происхождения. В первую очередь – кофе. В огромных количествах.

«Подавать кофе» в брянском Дозоре означало работать в анатомичке. Помощником скрюченной старухи, которая при вскрытии пользуется сверкающим ногтем ссохшейся правой кисти, плюется в посыпанные кофейным порошком раны для нужной химической реакции и диктует решения скрипучим голосом с использованием давно позабытых латинских нецензурных слов.

Все-таки гадание на кофейной гуще – не вымысел. Есть в этом восточном искусстве здоровое зерно. Вот только чтобы овладеть им, требуется прожить в статусе Иного пару человеческих жизней. Не самую приятную пару.

Конечно, молодой девчонке сбежать из этого серпентария на полуостров в мае – ну просто благодать. Вопрос в другом: что именно происходит в Севастополе? Данные мне указания закончились, а Лина пока ничего не прояснила.

– Ты сюда пришла не за тем, чтобы ловить Иных, – заметил я. – Что ты тут делаешь, на вокзале?

– Я только что приехала поездом из Брянска, – сообщила Лина, вытаскивая точь-в-точь такой же конверт, что и у меня. – Мне дали инструкции.

Инструкции. Надо же. Что у них там, в Брянске, низкоуровневых Иных считают за вещи? И к каждой нужна инструкция по применению?

– Бумага подписана Великим Гесером, – сказала Лина, чуть не содрогнувшись от переполнявшей ее радости. – Мне нужно ждать Иного, который будет стоять в этом месте в нужное время.

– И? – поднял я бровь.

– Это вы.

– Я понял, что это я. Зачем ждать? Дальнейшие... инструкции были?

– Дальше нам нужно вместе идти к остановке маршруток и ждать, пока к нам подойдут.

– Ага, – кивнул я. Дело начало чуть проясняться. – Стало быть, сюда прислали кучу Иных, каждый из которых получил конверт с приказами. Нам всем надлежит встретиться, а там, вероятно, мы узнаем цель нашего визита.

Лина захлопала в ладоши.

– Как интересно! – взвизгнула она, подпрыгивая. – Настоящий квест!

– Только в квестах обычно сохраняться можно, – заметил я. – И всегда есть журнал, в котором описываются конкретные действия. А я пока не знаю, зачем мы здесь.

– Разве не за тем, чтобы вступить в Дозор?

– Лина, если кого-то приписывают к Дозору, то дают четкое направление, – сказал я. – Не забивают голову конспиративными заморочками.

– Но ведь мы здесь, – промолвила девушка. – Вы же тоже из Дозора?

– Да, я из Дозора.

– А какого? Я забыла спросить.

– Московского.

Ее глаза расширились.

– Вы из Москвы? – ахнула она.

Я даже скромно прокашлялся. Пиетет перед москвичами, может, среди людей и является чем-то искусственно педалируемым, зато у Иных из столицы вполне есть основания гордиться принадлежностью к штабу хоть Гесера, хоть Завулونا. Как ни крути, но в последние годы на московские Дозоры пришлось столько событий, что хватит на целый эпос. Мне как-то довелось пить бренди с инкубом, который гордился тем, что лично знал Антона Городецкого в его бытность магом пятого уровня. Примечательно, что тот же инкуб в прошлом и Ленина видел. Но хвастаться решил именно Городецким. За молодежь я и не говорю – не раз наблюдал, как заклинания по сжиганию окурков фэйрболлами подвешивали на быстрый доступ, чтобы было чем блеснуть в обществе.

Но есть основания для гордости или нет, лично я не считаю нужным раздувать щеки от того, что работаешь в Москве. Может, потому, что я и сам там тусуюсь всего лишь полгода? Несмотря на то, что коренной житель.

– Да, из Москвы, – подтвердил я.

– А амулет у вас какой?

– Что? – не понял я.

Лина раскрыла конверт и помимо письма вытащила странно скрученный листок, напоминавший букву Н. Судя по его виду, его лет пятьдесят использовали в качестве подставки под котел для зелий. Причем для неудачных зелий.

– Не обращайтесь внимания, это всего лишь пустышка, – сказала девушка, перехватив мой недоуменный взгляд. – Какой-то листок с древним обрядом по инициации, но не в нем дело. Его зарядили растворяющим заклинанием. Стыдно сказать, но я не помню, что оно делает. Вы не поможете?

Я тупо смотрел на ее бумажный амулет, чувствуя себя последним идиотом. Столько раз с гордостью читал письмо шефа сквозь запечатанный конверт, что ни разу не задумался, есть ли в нем что-либо еще.

– Растворяющее заклинание является шуткой кого-то из учеников из резерва Ночного Дозора Москвы, – машинально проговорил я, вскрывая печать собственного конверта. – Оно перехватывает направленный в мага Знак Танатоса и растворяет его в Сумраке. Для успешной работы нужно находиться в месте Силы. А шутка в том, что в местах Силы Знак Танатоса не работает. Заклинание не было принято в общий реестр и не имеет даже названия. В народе называется просто «растворяшкой».

– Надо же, – нахмурилась Лина. – Так это заклинание не работает с самого начала? Я думала, мне его сам Гесер заряжал. Тогда зачем оно мне нужно?

Я не ответил. Сунул руку в конверт, извлек письмо от шефа. Следом мне в ладонь выпали безумно дорогие часы. Самый свежак сезона, что говорится. Если вообще можно назвать часами Apple Watch после рестайла.

– Ничего себе, – вырвалось у Лины. – Это что такое?

Мне казалось, она спросит, как эта штука туда поместилась. Маг седьмого уровня вполне мог бы удивиться возможности сунуть объемный предмет в плоский конверт.

– Мой амулет, очевидно, – сказал я, надевая девайс на запястье.

– И что он делает?

Прямо как в комиксоидном фильме, где супергерои с довольными ухмылками выясняют, какие у кого сверхвозможности, чтобы понять, как именно им нужно собираться в команду. Может быть, мне предстоит к вечеру найти кучу Иных, каждый из которых спросит меня насчет часов. И все же снимать их я не стал. Привыкать надо.

И потом, вопрос Лины интересовал и меня самого. Поймав себя на том, что разглядываю часики именно как часики, а не амулет, я перевел внимание на заключенную в них Силу. После чего решил, что в плане практичности Лине с ее амулетом повезло куда больше.

– Дает разовую возможность связаться с шефом, – ответил я.

– С чьим?

– Со своим.

– Как это? Вы разве не можете связаться со штабом в любой момент?

– Могу, – коротко ответил я. – Но только не под Столпом отчуждения. И никакой амулет не сможет, включая этот.

– Тогда зачем?..

– Не знаю, – отрезал я. – Ты же видишь – мы в одной лодке.

Лина замолчала. От обиды, конечно же. Эх, девочка, знала бы ты, что кое в чем я был с тобой не совсем искренен, – обиделась бы куда больше.

– Пойдемте к остановке, – сказала Лина, быстро вернувшись в нормальное расположение духа. – Времени осталось мало.

Я последовал за ней, позволив шагать впереди. Моя голова целиком была поглощена бесполезным амулетом. Шеф, какого же дьявола ты творишь?

Может, и впрямь попробовать связаться с ним напрямую?

Позже. А то девочка совсем расстроится. Ей-то, похоже, воззвать к Гесеру не дано.

Дойдя до остановки по пассажирскому мосту, Лина не глядя зачерпнула Силы у жизнерадостного подростка с огромным рюкзаком. Сделала это легко, быстро, не сбавляя шага. Я даже остановился на мгновение. День сюрпризов, похоже. Что же, у меня тоже в рукаве есть парочка.

– Что ты творишь? – произнес я.

– А? – не поняла Лина. – О чем это вы?

– Неоправданный забор Силы, – пояснил я. – Это же вмешательство седьмой степени.

– Так никто же не видит, – ответила Лина. – А я всегда так делаю, когда мандраж схватит. Возьмите и вы. И мы, кстати, на «ты» не переходили.

– Полезное замечание, – согласился я. – Совместное правонарушение – достаточная причина для замены брудершафту. Ты не находишь?

Поискав взглядом, я остановился на ребенке в коляске. Он ревел так, что оглашал воплем весь вокзал. Нашупав ауру, я потянулся к ней, настроился. Спокойно, малыш, все хорошо. Памперс тебе сменят совсем скоро, а сейчас попа чистая и блестящая...

Ребенок тут же успокоился и принялся увлеченно пить из бутылочки. Не люблю брать Силу у маленьких детей. Однако если беру, то делаю это мастерски, не причиняя ни малейшего вреда.

– Что вы сделали? – спросила Лина ошарашено.

– Забрал его печаль, – ответил я, слегка поворачивая ладонь и демонстрируя в ее центре небольшой сгусток Тьмы.

Лина отшатнулась.

– Так вы... – прошептала она.

– Позвольте представиться еще раз, более развернуто, – сказал я. – Сергей Воробьев, Иной второго уровня, Дневной Дозор Москвы.

– Вы Темный, – еле слышно вымолвила Лина.

– Ага, – кивнул я. – Ты же считала мою ауру.

Это уже было с моей стороны совсем нагло, но я не мог отказать себе в небольшом удовольствии.

– Я... – Лина запнулась. – Но вы назвали себя Светлым.

– Я не говорил, что я Светлый. Я сказал, что я воин Света. Только не уточнил, как именно я добиваюсь Светлого вмешательства.

– О, мамочки, – простонала Лина. – Поняла.

– Не переживай так, – попробовал я ее утешить. – Мне надо было сразу догадаться, почему ты ошиблась. Сразу, как только ты назвала свое имя.

– Да?

– Брянск, кофе, – сказал я. – Ты Лина Кравец. Сумеречный дальтоник.

Ее глаза вспыхнули, щеки налились краской. Тяжело чувствовать себя неполноценной – что в мире людей, что в мире Иных. Сумеречный дальтонизм – крайне редкая болезнь. Говорят, она возникает в ходе неудачной инициации, но это все чушь. Никто не знает истинных причин того, что новообращенный Иной почему-то оказывается не способен видеть цвет ауры. Они могут отличить Иного от человека, но вот понять, кто перед ними – Темный или Светлый, – не в состоянии.

– Вот почему тебя признали негодной к оперативной службе, – сказал я. – Ты не видишь, кто перед тобой стоит – друг или враг. Когда-нибудь ты поймешь, что эти понятия весьма мало связаны с цветом ауры, но пока что...

– А я знаю, кто ты! – зло произнесла Лина. – Вспомнила, что читала про тебя. Сергей Воробьев, Темный Иной. Известен тем, что...

Она не договорила.

– Продолжай, пожалуйста, – усмехнулся я. – Расскажи, какими действиями я известен. Расскажи, каким образом я за полгода стал приближенным Завулونا.

Лина сжала губы и покачала головой.

– Не хочешь? – пожал я плечами. – Тогда хотя бы скажи, под каким прозвищем меня знают в ваших краях.

Спрятав конверт, девушка посмотрела на меня с яростью.

– Манипулятор, – ответила она и направилась к остановке, сжав себя руками за плечи. Светлые, Светлые...

Тьма мне свидетель – никогда я не считал себя манипулятором. Я всего лишь делал то, что делают все. И Темные, и Светлые.

Трудно общаться со Светлыми честно. Никто не ненавидит правду так, как они.

Даже люди.

Глава 3

Все еще не понимаю, зачем я здесь. И зачем здесь Лина Кравец.

В одном я могу быть уверен точно: дело не в воссоздании Дозоров Севастополя. Во всяком случае, Лина точно не могла быть его частью. Если не видишь цвет ауры, то в оперативный штаб тебе дорога закрыта. И даже без этого я мог насчитать с десятков причин, делающих участие Лины в Дозоре невозможным. Хотя бы по характеру.

Вот меня направить в Дневной Дозор Завулон вполне мог. Но я уверен, что шеф прямо сказал бы об этом. В конце концов, я принес много пользы нашему штабу.

Последняя мысль чуть не заставила меня рассмеяться. Как же, польза...

– Который час? – нервно спросила Лина. Ну, хоть не избегает общения, и на том спасибо.

Я взглянул на свои новенькие часики. Интересно, пользоваться продукцией «эппла» по прямому назначению – пижонство или здравый расчет?

– Восемь часов восемнадцать минут, – ответил я. – Скоро там третий подойдет?

– Вот сейчас и должен, – буркнула Лина.

Мы стояли на остановке маршруток. Людей вокруг было не менее сотни. Я просканировал толпу – ни единого неиницированного Иного. Мне-то до лампочки, а вот что сделала бы нервничающая Светлая – не представляю. Ей сейчас, должно быть, крайне неуютно в обществе более опытного Темного.

И все же мне казалось, что вовсе не в цвете моей ауры дело, а в имени моем. Я ничего такого не сделал, чтобы можно было обзавестись шлейфом из слухов и легенд. Да и если подумать, Светлые за мою прошлую деятельность должны мне памятник ставить.

Подъехала маршрутка, свернув к обочине слишком резко. Я ощутил колеблющуюся в салоне Силу. Лина, вероятно, тоже – отступила назад, приготовила защитное заклинание. Щит Мага – неплохая и надежная штука, вот только безошибочно опознается еще до того, как активируется. Буквально за мгновение, но атакующему и этого времени хватит. Мне бы точно хватило.

Двери маршрутки открылись, и наружу вывалились два тела. Светлое и Темное. Едва поднявшись на ноги, они принялись молча драться. На кулаках.

Я не удивился. Разнимать молодняк приходилось каждому, кто хоть раз тренировал свежеобращенных Иных. Признаюсь – такие позорно-школьные инциденты имеют место лишь у Темных. Светлые как-то справляются. Решают дело базаром, так сказать.

Действовать пришлось почти на рефлекс – мигом вывесил «сферу невнимания», от чего толпа тут же рассеялась, а маршрутка двинула дальше, никого не высадив и не впустив внутрь. Вот так люди массово и проезжают свои остановки. Бывает куда забавнее, если «сфера» прилипает не к месту, а к транспорту. Слышал о бомбиле, который бесплатно накатал полный рабочий день с парой завтыкавших зайцев в салоне.

– Перестаньте! – закричала Лина. Скорее строго, чем испуганно. В человеческой школе стажировалась, что ли?

Иные встали, глядя на нас. Лина начала зачитывать им стандартную шнягу про Дозоры и уровни, а я не стал времени тратить – скользнул взглядом в Сумрак и посмотрел на новоприбывшую парочку.

Темный был не намного мощнее Лины. Шестой уровень Силы, на пальцах подвешен «серый молебен». Спрашивается – зачем? Первое попавшееся выбрал как пить дать.

Светлый выглядел чуть спокойнее. Пятый уровень, на пальцах обеих рук – «фризы». И пользовался он ими, похоже, умело. Вот только опять же – против кого?

Завидев меня, возвращающегося из Сумрака, двое Иных немного успокоились. Темный так точно. Светлый же, напротив, сразу немного напрягся. Что же, приятель, если захочешь

атаковать – милости прошу. Я не школьник, «щит мага» вешать на себя не стану. У меня найдется, чем тебя угостить. А могу и дать добрый совет.

– Если хочешь кого-то заморозить, можешь начать с него, – сказал я, показав на Темного. – Я вмешиваться не стану, обещаю.

– Стоп! – закричала Лина, становясь между нами троими. – Не слушай его! Он провоцирует тебя на вмешательство!

– Светлые любят приказывать тем, кто выше их уровнем, – усмехнулся я.

По лицу Светлого угадывалось сильное желание послушать Лину. Еще бы. Парню было на вид лет двадцать пять. Вероятно, тоже в своем естественном возрасте. Маленькая девочка седьмого уровня, Светлая, стоит между двумя Темными, практически зовет на помощь. Ну как тут не вмешаться?

Не то чтобы я собирался подставить Темного – все равно «фриз» ему ничего не сделает. Даже с двух рук. Зато он получит право на ответные действия в свою защиту, а я – право на вмешательство, которое применю, когда захочу. И что самое веселое, никакой суд ничего не сможет мне инкриминировать. Даже Светлые будут вынуждены признать, что мои действия помогали делу Света. Я же посоветовал напасть на Темного, но никак не наоборот. Вот так несем Свет в массы.

– Хватит, ребята, – чуть не всхлипнула Лина. – Давайте поговорим.

Светлый опустил кулаки. Заклинания на пальцах погасли.

Я хлопнул Темного по плечу.

– Сергей Воробьев, – сказал я. – Второй уровень, Москва. Добро пожаловать в Севастополь.

Тот кивнул, схлопывая «серый молебен» в ладонях.

– Роман Медведев, – произнес он. – Шестой уровень. Прибыл по приказу из Дневного Дозора, Краснодар.

Сказано достаточно, чтобы составить психологический портрет. Мало кто из Темных признается незнакомцу, что выполняет приказ. Наизнанку вывернется, а другую формулировку придумает.

– Евгений Морозко, – с кислой миной сказал Светлый. – Пятый уровень. Ночной Дозор Екатеринбург.

– Далеко плыть, – заметил я.

Светлый сжал губы, но промолчал. Пусть радуется, что не над фамилией его приколотись. «Фризы» в качестве базовых заклятий он, конечно, не случайно выбрал.

– Лина Кравец, – представилась единственная женщина в нашей компании. – Седьмой, Брянск.

Интересно, сколько раз нам предстоит сегодня кому-то называть свои данные? Сокращения придумать, что ли?

– В чем причина конфликта? – спросил я.

– Конфликта не было, – сказал Морозко. – Мы не сошлись мнениями по поводу того, когда выходить.

– Чего? – не понял я.

Темный вытащил конверт и помахал им в воздухе.

– Я должен был прибыть на эту остановку в восемь двадцать, – доложил он. – Приехал на электричке из Симфа и сел на топик. Со мной в маршрутке оказался вот этот чел. Сказал, что надо ехать дальше и вылезти на следующей.

– Это что значит? – Я посмотрел на Светлого. Тот спокойно выдержал мой взгляд, видимо, чувствуя за собой неоспоримую правоту.

– У меня тоже указания, – сказал он. – Быть в восемь тридцать чуть дальше по направлению маршрутного такси.

Чушь какая-то. Я попытался уместить всю информацию в красивую связку, но получился распутанный клубок разноцветных нитей.

– Вот и вышел бы дальше по направлению! – рявкнул я. – Почему мешал Темному следовать данным ему указаниям?

– Потому что он хотел зарезервировать маршрутку за собой, – спокойно ответил Морозко. – А это значило, что я не успею.

Хмыкнув, я ничего не сказал. Вполне ожидаемо. Краснодарский маг низкого уровня приехал к черту на кулички, не имея понятия о том, зачем его сюда послали. До остановки тут пешком по прямой идти быстрее, чем ехать. Однако он перестраховался – решил прибыть на место вовремя, но в машине, чтобы в случае чего сохранить за собой свободу передвижения. В случае проблем – одна мысленная команда водителю, и «газель» увезет тебя хоть в город, хоть обратно в центр полуострова. Но в топике, случайно или нет, оказался Светлый Иной со схожими планами, только с другой раскладкой по времени. Слово за слово – и вот он, старый добрый мордобой. К счастью, все последствия заживают как на собаке.

– Значит, нам всем следовало встретиться, – сказал я. – Пусть и с разницей в десять минут. Дозорный Морозко, какие указания тебе даны? Куда дальше нужно двигаться после встречи с нами?

– Как ты догадался? – спросил он и замолчал. Конечно, я не мог прочитать письмо в его конверте. Допускаю, что даже саму попытку конверт бы зафиксировал и отослал отчет Гесеру с упоминанием – дескать, так и так, Сергей Воробьев наивно пытался пробить вашу защиту. Если бы, конечно, отчет проник через Столп.

А вот о том, что все четверо присутствующих получили указания в общем стиле, Морозко, конечно, пока не догадался.

– Ладно, – сказал я. – Раз так, то лови нам машину. Поехали встречать пятого.

– Почему я?

– Потому что только ты здесь бесишься по поводу уехавшей маршрутки, – пояснил я.

Светлые иногда просто вымораживают. Если Темный хочет задать вопрос, то он предварительно прикидывает, насколько адекватно он прозвучит и так ли этот вопрос необходим. Если обладаешь всей необходимой информацией, но сомневаешься, действовать или нет, – действуй. У нас очень поощряется инициатива, даже если последствия будут ошибочны. Лучше поступить по своему усмотрению и добиться хоть чего-то, чем топтаться на месте в ожидании приказа сверху и упустить момент. Светлые же могут без конца дуть на воду, по сто раз обмусоливать известные детали, гордо спрашивать любую чепуху, причем с таким видом, будто сам факт запроса говорит об их высоком интеллекте, а трата времени – о небывалом таланте расставлять приоритеты. Они просто обожают затягивать любое обсуждение, словно болтовня заставит мешки ворочаться самостоятельно.

Я не стал озвучивать свои мысли. В отношении Светлых это бесполезно. Нужна машина – вызови. Заодно продемонстрируешь остальным свою готовность к активным решениям. Не спрашивай у других, стоит ли тебе пошевелить пальцем, а возьми и пошевели. Меня прислали сюда, чтобы работать с тобой в команде хотя бы на старте. Мне же не разжевывают простейшие действия. Вот и ты никого не подводи.

Вспомнив про указания, я бросил взгляд на часы, словно Завулон мог неожиданно прислать на них эсэмэску. Пусто. Возможность связи с шефом, значит? Ну-ну, ждите. Из принципа не буду пытаться связываться с Москвой, пока не выпотрошу всех действующих лиц на предмет информации.

– Какие у вас амулеты? – спросил я, и все трое повернулись ко мне.

– А фиг его знает, – сказал Ромка, показывая мне две скрещенные палочки, с концов которых торчали оборванные ниточки. – Вроде тут куклы еще должны болтаться.

– Дай-ка гляну. – Я всмотрелся в крестовину. – Слушай, это компас. Он же – персональный маяк. На тебя показывает. Чтобы не потерялся, наверное.

– Зачем он мне?!

– Ты меня спрашиваешь? Светлый, что там у тебя? Показывай, не бойся.

Морозко показал нечто, напоминающее подкову для лошадей.

– Это чтобы ты скакал быстрее? – спросил я. – Так одной не хватает. Хотя...

Магию в подкове я почувствовал безошибочно, и этого хватило, чтобы я растерял остатки желания подкалывать.

– Приятель, – осторожно начал я. – Ты реально не знаешь, что у тебя?

– Понятия не имею.

– Сумеречный портал.

– Что-что? – спросила Лина.

– Телепорт на третий слой Сумрака, – озадаченно пояснил я. – Причем массовый. Кто его коснется, с теми ты волен отправиться на три этажа вниз.

– Да это нереально, – высказал мнение Ромка. – Его ж сразу оттуда вытолкнет. И всех нас тоже.

Судя по виду Морозко, он тоже считал, что я его развожу.

– Могу поклясться Тьмой, если хочешь, – сказал я ему. – Я не обманываю. Это сумеречный портал на третий слой. А что нам там делать – я не могу представить.

Пожав плечами, Морозко спрятал подкову в карман. Тем временем подъехала очередная маршрутка, и я снял «сферу невнимания», чтобы не стоять тут до утра.

Мы влезли в маршрутку все вчетвером, и я с удовлетворением заметил, что Роман предварительно «попросил» всех пассажиров освободить салон. Светлым это и в голову не пришло. Коснувшись его рукава, я прошептал:

– Держись рядом.

Мы встретились взглядами, и он кивнул. Двое Светлых, двое Темных. Вполне достаточно для деления на фракции.

Оказавшись в маршрутке, я откинулся на спинку кресла и принялся ждать.

Глава 4

Занятный это момент – попытка заново оценить уже знакомую персону, если сомневался, на твоей ли она стороне. У меня с этим проблем не было, а вот Светлым приходится до того туго, что хоть масла в мозг доливай. Ну не могут они просто контактировать без попыток определиться с некой совместной философией.

Лина и Морозко сели впереди, рядом, словно влюбленная парочка, и сейчас то и дело неуютно ворочались, очевидно, решив, что мы с Ромкой буравим им взглядом затылки. Мы же с магом шестого уровня расселись на боковых скамейках, словно тут больше никого нет.

Мой сосед по спектру выглядел уверенно, даже в чем-то самодовольно. Он был крупным парнем, мускулистым, явно накачавшим массу до инициации. Это я определил со стопроцентной вероятностью – образ жизни качка требует столько времени и самоограничений, что попросту несовместим с графиком Дневного Дозора. Когда-то я и сам пробовал придать себе выдающиеся очертания, но бросил. И, кроме того, спортивное питание на нас не действует. Досадное недоразумение: набраться в хлам Иные могут, а вот всякие протеины-карнитины у нас толком не усваиваются. Для организмов наших это все равно что стрихнин.

Сидящий впереди Светлый чем-то напоминал Романа, но телосложение у него было несколько старомодное. Он больше походил на доброго молодца из фильмов Роу. Вроде и крепкок, и широкоплеч, но как-то без системы. Хотя Лине, безусловно, понравился куда больше. И с фамилией парню небывало повезло. Почему-то верилось, что лет эдак через триста он вполне вырастет в настоящего доброго дедушку из сказки, приносящего зиму. Главное, чтобы магией льда заниматься не бросил.

Вытащив кошелек, я извлек из него монетку и тронул Морозко за плечо. Парень оглянулся на меня с суровым вопросом в лице.

– За проезд, – попросил я. – Передайте, пожалуйста.

Ромка заржал, хлопая себя по коленям. Светлый смутился, подавил гримасу раздражения, снова отвернулся. Водитель продолжал крутить руль, напряженно следя за дорогой.

На место мы приехали в 8:28. Где-то здесь бродит пятый участник нашего дивного зоопарка.

– Останавливай, – велел Морозко, и я решил вмешаться:

– Нет. Пусть едет еще сотню метров.

– Зачем? – спросила Лина.

– Затем, что на остановке сюда ломанется толпа. Как намерен снимать контроль при свидетелях?

Светлый промолчал, но водитель прокатил нас до следующего перекрестка. Можно было бы и с моей стороны дать корректировку – на втором уровне Силы я без проблем отменю приказ, наложенный магом пятого уровня. Вот только это означало наследить в психике шофера выше крыши.

Может, по возвращении в Москву стоит заняться обучением Светлых? И нам выгода – порядка больше, – и зарплату буду получать в обоих штабах...

Морозко вылез из маршрутки, подал руку Лине. Следом вышел я, предварительно оставив вытащенную монетку водителю. Разумеется, Светлый маг и подумать не мог, что я в своей просьбе передать за проезд был вполне серьезен. Я же проехал остановку – почему бы и не заплатить? И, конечно, в этом отношении Светлые паладины палец о палец не ударили. Наверняка им и в головы эта мысль не пришла. Вот оскорбиться на мои слова, не важно какие, – это всегда пожалуйста. Гордо промолчать, повернуться спиной – аналогично. Но только не подумав по существу, не плеснуть себе в лицо холодной самокритикой. Куда лучше с пафосом подать руку молодой девчонке.

Рома вылез последним, закрыв дверь без лишнего грохота. Он снял куртку, держа ее переброшенной через плечо, оставшись в красной футболке и демонстрируя крепкие руки. Он где-то успел загореть. На дворе начало мая, а у парня – натуральный загар. Не припомню я в Краснодаре недавнего летнего солнца. Значит, успел покататься.

В моей голове пронеслась волна лаконичной информации. Темный, шестой ранг, направлен в Севастополь, последнюю пару недель провел где-то далеко от своей базы. В быстром доступе – неактуальный «серый молебен», конфликт со Светлым в маршрутном такси, переросший в пацанскую условную драку. Достаточно для беглого вывода.

Кинув взгляд на Светлых, я убедился, что они выискивают Иных в толпе. На нас они никакого внимания не обращали.

– За что разжаловали? – негромко спросил я.

Ромка удивленно хмыкнул.

– Как понял? – спросил он.

– Язык тела. Тебя турнули из Дозора?

– Нет. Просто понизили.

– В уровне? – вырвалось у меня.

– Нет, – мотнул башкой Ромка. – В правах. Я оперативником был... командовал тройкой дозорных.

– Неплохо, – похвалил я. На шестом уровне возглавить полевую группу – это серьезно. Вот только сместить могут за малейшую провинность. Наверняка и «серый молебен» висеть остался чисто по привычке. По вампирам парень работал. Причем не по мелким – теми Ночной Дозор занимается.

– Направили в Севастополь, – продолжал Ромка. – О своих задачах знаю не больше твоего.

– И как ты с этим? – поинтересовался я.

– Нормально. Город-то красивый.

Ему и впрямь нравился город, это было заметно. И он был готов применить здесь все свои способности. Я мысленно поставил Ромке еще один плюс. Для многих начинающих Темных сама мысль о том, чтобы работать в полном отрыве от могущественного начальства, невыносима. Уже уровне на четвертом они привыкают пользоваться тем, что имеют, в отличие от Светлых, которые без поддержки Великих выдохнуть боятся, пока сами не дорастут до их статуса.

– Вижу Иного, – сообщила Лина. – Вон там.

Она вытянула тонкую руку и указала на летний ресторанчик.

– Цвет? – спросил Ромка.

Я саркастически дернул щекой. Рома не мог выбрать среди нас лучшего кандидата, чтобы уточнить у него окрас ауры. Лина не ответила, и я был готов прозакладывать свои свежеполученные часы, что она снова вспыхнула. Ну не дури, малявка! Скажи всем, что не можешь читать цвет. Все равно ведь сами догадаются. В бою спутаешь врага с другом из-за такой чепухи – мало не покажется.

– Светлый, – вдруг проговорил Морозко. – Там сидит Светлый.

– Пошли поздороваемся, – сказал я и шагнул к ресторану.

Морозко чуть не схватил меня за рукав. Чего он боится – нападения? Игнорируя его, я подошел к веранде, наклонился, чтобы не стукнуться лбом о плетеный навес, и сел на деревянную табуретку напротив смуглого крымского татарина.

Да, приходится быть толерантным. Говорят, перепись крымчан проходила с ошибками именно потому, что каждого обитающего на полуострове татарина по умолчанию записывали как крымского. А это вроде как две большие разницы.

Сидящий передо мной молодой мужик – иначе и не назвать – был самым настоящим крымским татарин, явно с внушительной родословной, тянущейся от печенегов. В Севастополе он, конечно же, не жил. Местные по ресторанам не ходят. Но я был на все сто уверен, что где-то в Крыму у него имеется старый дом, в антресоли которого валяется еще советский паспорт с крымской пропиской. Вперемешку с кучей куда более старинных бумаг. Да, парнишке явно лет было прилично.

– Мир вам, – кивнул он. – Махсуд, третий уровень. Очень приятно.

– Сергей Воробьев, Дневной Дозор Москвы. – Я махнул рукой своим трем тусовщикам. – Второй уровень... Ты тут уже давно?

– Два часа, – ответил Махсуд.

Стало быть, он сюда раньше нас приехал? И когда же успел? Транспорт по летнему расписанию еще не ходит.

– Ты дозорный? – живо спросил Морозко, беря себе стул и ныряя под натянутый над головой тент.

– Да, – заулыбался Махсуд. – Пожалуй, что дозорный. Ночной Дозор Таракташа.

Хорошо, что я в этот момент не пил пиво. Точно поперхнулся бы.

Ромка и Лина так и вовсе тарасились на пятого участника, как на ревоплощенного Конфуция.

– Таракташ? – протянула Лина. – А где это?

– Под Судак, – ответил татарин. – Темные называют его Дачное. Вроде так?

Я был без понятия. Никогда не посещал те края. И чтобы Темные и Светлые пользовались разными географическими атласами, тоже не слышал.

Подошла официантка. Я ткнул пальцем в колу. Ромка выбрал гамбургер с квасом. Евгений Морозко взял мороженое. Я даже не сомневался. Но потом понял, что он его взял для Лины.

– Может, кофе? – предложил он.

– Нет! – отрезала девушка.

Ну да. Ты же на кофе и смотреть не можешь, наверное. Психосоматика – сильная вещь.

– Судак, значит, – сказал Ромка, крутя в руках зубочистку. – Это же вроде рыба такая?

– Это речная рыба, – вымолвила Лина. – В Крыму не водится.

– Но зачем тогда город именем рыбы назвали?

– Не ссорьтесь, дети, – сказал я, принимая у официантки бутылку колы и стакан. – Вот Севастополь назван в честь космической станции, по которой бегала Аманда Рипли. У всего есть своя история... и легенда.

– Рипли? – спросил Махсуд. – А кто это?

– Неиницированная Чужая, – ответил я, присматриваясь к татарину. – Махсуд, у тебя есть конверт? С указаниями от твоего Дозора, что ты должен кого-то встретить. Нам нужно знать, куда двигаться дальше.

Лина, Женя и Рома уставились на меня, затаив дыхание. Вряд ли из-за того, что мой заказ не требовал готовки и потому был доставлен первым.

Татарин смотрел на меня с полуулыбкой. Нет, не свежее юношеское лицо чуть не заставило меня содрогнуться до мурашек на спине. Намертво застывшее выражение застрявшего в молодости старейшины, помнящего и вкус вяленого мяса под седлом, и тяжесть ятагана, и многовековое противостояние с претендентами на твой дом. Глупые мы, потомки людей. Ну кому какое дело, как называется твое селение в текущем поколении и какой статус присваивают ему скупые, жирные градоначальники...

Возможно, когда-то Махсуд действительно был принят в Ночной Дозор Таракташа – если таковой существовал. Время стирает границы между правдой и шуткой, потому что правда сама по себе – штука смешная.

- Махсуд, – быстро произнес я. – Просто скажи нам, что в конверте. И мы пойдем.
- А... – открыла рот Лина, и Евгений быстро положил ладонь ей на запястье.

Взяв салфетку, Махсуд аккуратно вытер ею губы. Посмотрел на нее, сложил вдвое и вытер еще раз.

– Галерея на берегу, – сказал он. – Тут недалеко, где Аквариум. Нужно встретить вампира.

- Во сколько?

Махсуд виновато развел руками.

- Двенадцать минут назад, – сказал он.

- Что? – Ромка хлопнул по столу. – И ты молчал?!

– Почему ты сидишь тут? – укоризненно обратилась Лина. – Только зря время у нас отнял.

- Плов жду, – ответил Иной. – Хороший тут плов. Любой гончар подтвердит.

- Подъем, – велел я, вставая. – Махсуд, а что еще было в конверте? Амулет был?

– Был, – ответил Махсуд. – Только я ни за что не скажу, какой именно. Он ввергает меня в печаль.

Я пошел к набережной, надеясь, что моя троица не станет доносить ни меня, ни любителя плова лишними вопросами. Если что-то соображают, то должны сами догадаться.

- Идите, – послышался голос Махсуда. – Я за вас заплачу. Официант! Официант, вызываю!

- Он не пойдет с нами? – спросил Ромка, догоняя меня.

- Нет, не пойдет.

- Но он же должен...

- Он ничего нам не должен, Рома. Махсуд – не дозорный.

- Как так? – оторопел Морозко. – Он же сам сказал.

– Я думаю, его в каком-то смысле на самом деле приняли в Дозор, – высказал я предположение. – Много веков назад. Когда в Таракташе еще существовали группы Иных, занимавшиеся тем, чем сейчас занимаются дозорные.

- Охраной Великого Договора? – спросила Лина.

– Охраной своего дома, своего народа, своей семьи. Всего того, ради сохранения чего Великий Договор был заключен. Считайте, что вы встретились с предком всех дозорных. Не в физиологическом смысле.

- Круто, – произнес Ромка. – А чего он тут делает?

- Ты не слышал? Ждет плов.

- Я же серьезно.

– Я тоже. – Повернувшись к нему, я взглядом прервал невысказанное возражение. – Ребята, вы явно находитесь в своем естественном возрасте. Доживите до дней Махсуда – и начнете ценить плов выше встречи с вампиром, который и так никуда не пропадет.

- А сколько тебе лет, Серый? – спросил Ромка.

- Шестьдесят два, – ответил я. – Не отставайте.

Рома пожал плечами.

- Я думал, ты старше самого Завулونا, – признался он.

- Да? – Мне даже стало немного смешно. – Это почему же?

- В тебе энергии, как в молодом. А среди Иных так умеют только старики.

Немного подумав, я протянул ему свою колу.

- Нет, спасибо, – сказал Ромка. – Я фигуру берегу.

Вздыхнув, я залпом выпил бутылку и растворил ее в руках. Пластик словно испарился на солнце с невиданной скоростью. Поберегу тоже что-нибудь разнообразия ради. Хотя бы природу.

Глава 5

Очевидные вопросы назревали в воздухе, грозя вылиться в Инферно неуверенности и прилипнуть к чьей-то бедной голове. Первым общие мысли озвучил Морозко.

– Так, – проговорил он. – Стоп, ребята. Давайте подождем.

Я остановился, заметив краем глаза, что Рома внимательно следил за мной и копировал мои действия. Парень окончательно перевесил на меня инициативу. Надо бы узнать, кто его натаскивал.

Лина беспокойно держала Морозко под локоть. Я подавил саркастическую гримасу.

– Что-то не так? – спросил я.

– Подумать надо, – продолжил парень. – Что здесь вообще происходит? Мы можем так весь день бродить и ничего не понять.

– Можешь уйти, – предложил я. – Никто тебя не неволит.

Морозко уставился мне в глаза, словно намеревался поиграть в гляделки. Я не повелся на его детские фокусы и моргнул первым. Если мальчику нужна хоть какая-то иллюзия самодтверждения – пусть он ее получит.

– Нет, ну признайте, – произнесла Лина. – Все это очень странно. Нас собрали со всех уголков страны, чтобы мы просто так по городу погуляли? Не говоря, что нам делать?

– У меня есть мысль, – встрял Ромка. – Последний Иной в цепочке будет иметь полные указания.

– Поддерживаю, – сказал я. – Именно так все и будет.

– Откуда ты знаешь? – снова уставился на меня Морозко.

– Потому что это единственный вариант, – ответил я. – Нам либо попадется кто-то, кто даст ответы на все вопросы, либо нет. Если нет – я отправляюсь обратно в Москву, потому как все мои задачи будут исполнены.

– А можно еще связаться с начальством, – робко предложила Лина.

Мысль звучала привлекательно, и я не стал возражать.

– Действуй, – сказал я. – Благословляю.

Лина прикрыла глаза и нахмурилась. Спустя несколько мгновений ее губы зашевелились. Вот в упор не понимаю, зачем Светлым столько мимики для простой умственной задачи.

– Не выходит, – сказала девушка. – Не понимаю...

Морозко поморгал, глядя в сторону.

– И у меня не получается, – признался он. – В первый раз такое...

– А вы с кем связываетесь? – спросил я.

– С Ночным Дозором Москвы.

– С Гесером? – усмехнулся я. – Ребята, будьте попроще. Вызывайте ваши региональные отделения.

Снова захватывающая мимика.

– Нет, – сказала Лина. – Глухо все.

Ромка рядом со мной тоже напряженно смотрел перед собой, будто пытался пробить мысленную блокаду. Я начинал чувствовать себя немного глупо. Вроде бы и моя очередь, но результат я могу предсказать заранее. Не зря мне дали персональный гаджет для связи. Но почему мне так не хочется им пользоваться? Что это – страх разочарования?

– Хьюстон, у нас проблемы, – сказал я. – Вызывайте учителей.

Лина вздрогнула и в сотый раз за час смутилась. Морозко словно сам оледенел. Возможность вызывать к тому, кто тебя инициировал, дана нам Сумраком и ни разу не была им забрана назад. Но сделать это без причины – значит в какой-то степени подвести его, дать понять, что

ты не оправдал потенциала Иного. Это все равно что после совершеннолетия публично просить родителя принести тебе горшок.

– Не могу, – сдавленно произнес Морозко. – Не получается... Черт возьми...

Мне сразу перехотелось издеваться над парнем. Внезапно обнаружить, что кто-то обрубил тебе все каналы связи, – страшно. Так и в чертей уверовать недолго. Евгений открыл глаза и посмотрел на свои ладони, словно проверяя, не перестал ли он быть Иным.

– Ладно, ребята, не паникуйте, – сказал я как можно спокойнее. – Если нельзя связаться, то должно быть объяснение.

– Например? – спросил Ромка.

– Блокада над Севастополем, – сказал, я и меня самого чуть не пробрало зловещим холодом – до того внушительно прозвучали эти слова. – Вы что, серьезно не знаете про Столп отчуждения?

– Ну, знаем, что над нами висит заклинание.

– А что Столп блокирует возможность связи – вам не сказали?

Лина и Морозко смотрели то на Ромку, который тоже ничего не понимал, то на меня.

– Вы не сможете связаться ни с кем, кто снаружи, – объяснил я. – Если попытаетесь воспользоваться простым способом, вроде позвонить по телефону или по электронной почте, Столп аннулирует ваш пропуск и вышвырнет наружу. Пережить это шансов будет очень мало, а в Инкермане вас не будет ждать бригада целителей. Ребята, это же простая техника безопасности. Вы не знали этого?

– Нет, – сказал Ромка, немного побледнев. – Я не знал.

– Как же быть? – спросила Лина.

– Мы сами по себе. Если хотите, вы можете выехать из города, и там связь будет работать. Но и обратно вы не попадете. Решайте сами.

– Зачем же так поступать с нами?

– Кто-то не хочет, чтобы мы могли узнать больше, чем знаем.

– Мы? – воскликнула Лина. – А нас-то за что?

– Не факт, что мы, – предположил Ромка. – Наверное, надо было перекрыть канал кому-то другому, вот и поставили заглушку. А мы просто под раздачу попали.

– Не все. – Евгений показал на мои часы. – Этот может связаться со своими.

Я поднял руку и посмотрел на «эппл-уотч» поближе. С одной стороны, парень прав – мне нужно перешагнуть через свои манеры, попытаться вызвать Завулону и прямо спросить, что тут творится. Если бы устройство не работало, мне бы его не дали. С другой стороны, амулеты по своей природе одноразовы. Пусть даже я смогу поговорить с шефом – что толку делать это сейчас, когда не изучены все имеющиеся ниточки, а попытка будет всего одна? Нам в любом случае еще вампира искать. Вот как действительно выработаем все теории – можно будет смириться и набрать шефа.

Простая мысль пришла ко мне, когда я рассматривал часы, пытаясь понять хитрый замысел Завулону – если он был. Пусть амулеты одноразовы, но их можно перезаряжать. А как перезаряжать «эппл-уотч»? Подключить их к USB-зарядке, разумеется. Или искать переходник для американской розетки.

Звучало совершенно дико, но вместе с тем и естественно. А сколько вообще эти часы проработают?

– Увлечся? – спросил Морозко.

– Подожди, – отмахнулся я и потыкал пальцем в экран часов.

Вот он, индикатор остатка батареи. Истечет сегодня в восемь вечера.

– Думаю, мы сможем использовать амулет, – сказал я. – Но только один раз в течение дня. До восьми вечера я эту попытку использую, когда посчитаю нужным. Сейчас момент еще не наступил. Мы здесь, и мы здесь остаемся.

Никаких возражений не последовало.

– Предлагаю искать вампира, – продолжил я. – Пока что это вся информация, которой мы располагаем. Если нам...

– Простите за вмешательство, – послышался сзади вкрадчивый голос. – Но ваш разговор показался мне очень интересным. Не возражаете, если я присоединюсь?

Уже на середине этого затянутого приветствия мы все успели обернуться и посмотреть на незнакомца. А к финалу – знали, что нашли нашего вампира.

Вот только на типичного кровососа наш гость никак не походил. Не чувствовалось в глазах ни затаенной Тьмы, ни классического голода, ни концептуальных манер. Он выглядел как типичный молодой человек лет тридцати, подвизавшийся на айти-фрилансе. Светловолосый, с вечной улыбкой на устах, с белоснежными зубами без намека на вампирские клыки. Пусть они в спокойное для вампира время втянуты, это не меняет неуловимых, специфических движений челюстью, видимых для знающих Иных. Я, без ложной скромности, был знающим. Ромка, похоже, тоже. Про Светлых и говорить нечего – дозорным по долгу службы нужно знать о вампирах больше, чем знают сами вампиры.

– Ты что, удалил себе резцы? – спросил я.

Хорошее начало. Прозвучало максимально бесцеремонно, как только возможно, но пусть. Ситуация располагала к прямоте.

Вампир нисколько не обиделся и лишь погладил свою челюсть.

– Трижды, – ответил он. – Снова вырастают. Регенерация, она такая... Поставил рядом поддерживающие импланты – помогают крепить резцы в зачаточном положении, чтобы не росли.

– Зачем? – спросил Ромка.

Вампир уклончиво улыбнулся.

Я не мог понять, кто передо мной стоит, хотя постепенно догадывался. Мне приходилось видеть современных кровососов, повернутых на молодежных фильмах. Но этот явно расширил рамки моих представлений об упоротости. Одно дело копировать изнеженного влюбленного юношу с томным взглядом, и совсем другое – отказываться от крови вообще. Вампир не может существовать без крови. Это как человеку отказаться от калорий.

– Как ты выживаешь? – спросил я. – Пьешь донорские коктейли?

– Иногда приходится, – ответил вампир со вздохом. – Пытался отказаться и от них. Но тогда сил нет даже шторы открыть. А я закат люблю.

Мне не нужно было смотреть на лица своей команды – мое не сильно отличалось в этот момент. Вампир, не пьющий крови. Вампир, любящий закат. Закат, Карл!

– Может, ты способен и в дом зайти без приглашения? – запустил я пробный камень.

Вампир задумался. На его лице отразился научный интерес.

– Знаете, не пробовал, – ответил он. – Но, думаю, всегда есть обходной путь. Ведь дом может принадлежать конкретному человеку, но жилой комплекс всегда имеет собственного хозяина, более глобального уровня. А земля, на которой он стоит, – кучку разных физических и юридических собственников. При определенных обстоятельствах, например, имея на руках накладную на блоки, лежащие в основе фундамента... да, это стоит того, чтобы проверить.

Лина чуть не грохнулась наземь, и Морозко придержал ее.

– Прошу меня простить, я не представился, – виновато развел руками вампир. – Алексей Капрунин, Дневной Дозор Ярославля. Можно просто Эл.

– Привет, Эл, – в полной прострации замахала рукой Лина. – Приятно познакомиться. Лина Кравец, сумеречный дальтоник.

Пока остальные представлялись, я еще раз посмотрел на часы. 9:06.

– Эл, давай не будем терять времени, – сказал я. – Огласи свои приказы и покажи амулет. Вампир не удивился.

– Ждать команду из Иных, которые найдут меня в районе Аквариума, – сказал он. – Примерно в это же время.

– В это же? – прервал его Ромка. – Мы же минут двадцать как опоздали.

– Нет, у меня все написано точно. – Эл помахал конвертом и спрятал его снова. – Вы придете в девять часов утра со стороны вокзала. Я решил пойти вам навстречу. Все равно в городе других Иных не нашлось – я решил, что их тут нет. Стало быть, первая группа Иных, которую я встречу, однозначно будет той, которая мне нужна.

Мы молчали. И без телепатии можно было сказать, что нас посещали одни и те же мысли. Начальство знало, что Махсуд задержит нас на двенадцать минут? И что дополнительные восемь мы потратим на пустой треп и выяснение отношений?

– Что до амулета... – Эл порылся в кармане и извлек конструкцию, напоминающую зубной протез, достойный кошмаров Гигера. – Я расцениваю этот дар как провокацию. Думаете, мне не стоит вышвырнуть это в мусорное ведро?

Вампир с модельной внешностью и улыбкой в тридцать два искусственных зуба, держащий в руке зубной мост великолепной ручной работы, выглядел как сбежавшая из Эрмитажа скульптура.

– Это что, вампирская челюсть? – спросил я.

– Ага. Искусственная, конечно же. Надеваемая поверх человеческой.

– То есть ты можешь ее надеть?

– Я даже больше скажу. Она мне идеально подходит, словно ее мой личный дантист делал. Вы, часом, не в курсах, на кой оно мне надо?

– Извини, – покачал я головой. – Не знаю. А что говорилось в письме по поводу наших дальнейших действий? Нам надо искать еще кого-то или сбор команды завершен?

– Ничего не знаю ни про какой сбор, – ответил Эл. – Но следующую точку назначения знаю. Двор на Большой Морской, арка у кольца. Надо быть там в полдесятого.

Людская жизнь вокруг нас была ключом. Курортный сезон по местным меркам давно начался, мимо нас сновали сотни прохожих, счастливых и пьяных, детишки бегали с мороженым и шариками, надутыми на той неделе к 9-му мая и обещавшими дожить до Дня города в июне. Примерно каждый десятый человек таращился на мои часы с презрением. Мы, шестеро, словно хладные финские гастарбайтеры, стояли на фоне огромного плаката с изображением зубастого аллигатора. Позади плаката бродил молодой человек, постоянно оравший в рупор:

– Только сегодня! Только в Аквариуме! Нильский крокодил Афоня! Посетите Аквариум и покажите своим родным и близким великолепного нильского крокодила Афоню!

Рома подтянул ремень. Видимо, не его одного окончательно добила вампирская челюсть.

– Ну все, ребята, – решил он. – Давайте забудем, а? Это реально какой-то розыгрыш.

Не успел я ответить, как Эл внезапно ткнул пальцем в сторону Морозко.

– Я тебя знаю, – вымолвил он со слегка ехидным выражением. – Тогда, в Екатеринбурге. Ты мне отказался выдать регистрацию.

– Не помню, – равнодушно сказал Морозко, но я понял, что он лжет. Это было уже интересно. Даже более чем.

– А я помню, – продолжал Эл. – Я тогда в отпуск приехал. Ты в аэропорту на регистрации стоял, от Ночного Дозора. Печать мне вклеить отказался. Отпуск мне сорвал. Что ж ты за человек такой нехороший?

Ромка слушал вампира с воодушевлением, переходящим почти в азарт. Похоже, что он собирался снова ввязаться в драку, на этот раз имея на своей стороне оскорбленного вампира. Вот только Эл оскорбленным совсем не выглядел. Напротив – казалось, он вспоминает былой инцидент как интересное приключение.

А я, в свою очередь, вспомнил еще кое-что. Про стойку регистрации Екатеринбурга. И сейчас чуть не проклинал себя за забывчивость.

– Идем на Большую Морскую, – сказал я, стараясь говорить ровно. – Не будем опаздывать.

– Машину ловить? – предложил Роман.

– Нет, так пойдем. Пешком.

Никто не стал спрашивать почему. Если мы приедем раньше, то остаток времени неизбежно проведем в разговорах. Уж лучше пройти молча. Мне как раз удастся обдумать безумную мысль.

Между всеми нами было кое-что общее. Вполне конкретное, недостойное гордости и, что еще хуже, делающее наше пребывание в Севастополе абсолютно бессмысленным.

С той разницей, что мы все же были здесь.

Глава 6

Делиться теорией с группой я пока не хотел по двум причинам. Прежде всего она мне самому не нравилась, не говоря уже о том, что пока что не было возможности ее проверить. Зачем настаивать на своей правоте, если сам в ней не уверен? Нет смысла загружать посторонние головы ненужной им информацией. Кроме того, само выяснение деталей сейчас станет лишней самостоятельностью, а нам ее не оплачивают.

Вторая причина была более прозаичной. Пока что я был в нашей шестерке самым сильным Иным. Во всяком случае, они так решили. Стало быть, ни к чему мне терять лицо и признаваться, что я, мягко говоря, ни хрена не понимаю, что тут творится. Тщеславие, да. Я не стесняюсь тщеславия. Очень хорошая штука при верном применении.

Продолжая размеренно переставлять ноги по Большой Морской вдоль новых клумб и старых строений, я остановился на мысли, что мои подопечные и в самом деле невысоки в своих возможностях. Седьмой уровень, шестой и пятый. Плюс вампир – похоже, что низший, несмотря на свежий вид. Без питья крови силенок не накопишь, чтобы представлять собой что-то солидное. Пусть есть еще Махсуд третьего уровня, но он с нами не пошел и был нужен, похоже, только для того, чтобы скорректировать нашу раскладку по времени. Кроме того, он крымчанин. Его сюда никто не командировал за тридевять земель. Вероятно, его привлекли просто потому, что он был рядом. Роль Махсуда явно сводится к появлению в нужный момент – вот только он сам решит, когда этот момент настанет.

Так что же получается? Все в группе, кроме меня, – низкоуровневые Иные, собранные вместе? Неудивительно, что они дружно слушаются меня.

Но какова вероятность появления в такой команде именно слабых Иных?

Пусть большинство Иных в стране действительно имеют уровень не выше четвертого, но нас-то собирали отделения Москвы. Кто-то искал по всей России именно таких оперативников.

Первая очевидная мысль – команда смертников, которых не жалко бросить на убой. Не по себе от такой участи, но надо быть честным в таких вещах. Это плохая новость. Хорошая – то, что этот вариант не прокатывает. Наша компания в таком составе не способна к точечным боевым действиям. Мы все очень разные и скорее сами передеремся, чем наваяем общему врагу.

И еще мысль о подрывной бригаде подразумевает, что в число смертников должен входить и я. До тошноты неприятно об этом думать. Я маг второго уровня, известный среди Темных как Несущий Свет, а среди Светлых – как Манипулятор. Переведен в Дневной Дозор Москвы по личной просьбе Завулونا. Ну прямо слово и воля императора. Меня нельзя просто так взять и потопить с вражеским кораблем. Я попросту подниму бунт и откажусь от выполнения задачи.

Хотя стоп. Никто не говорит, что я в общей лодке со всеми. У меня же есть волшебные часы.

Проверив «эппл-уотч», я заколебался на мгновение. Представил, как Завулон сидит в своем кабинете, попивая коктейль и решая стратегические задачи мирового масштаба. На его собственных часах – не в пример лучше и практичнее моих – загорается лампочка, пищит стереодинамик, и слышится голос Темного мага Воробьева с довольным утверждением: «Шеф, я вычислил ваш злодейский план! Вы отправили меня в Севастополь склеить ласты! Остаток отпущенного мне времени я потрачу на выяснение того, на что именно вы забили с Превеликим Гесером или Совиной Головой, заключив пари...» И потечет столетний коньяк на дубовый стол, в то время как Высшие в изумлении будут смотреть на шефа.

Нет уж, хрен вам. Я опустил запястье, снова поймав взгляд какого-то прохожего, глядевшего на меня с ненавистью. Да что сегодня творится такое, а?

– Разрешите? – обратился ко мне Эл с неизменной улыбкой. – Вы Сергей, я верно понял?

– Угу, – кивнул я.

– Я тут попробовал связаться со своими...

Дальше он мог не продолжать. И так понятно, что у него ничего не вышло.

– ...а потом и с вами, – продолжил вампир. – Но не сумел. Решил, что это из-за диеты.

– Отказ от крови существенно режет все базовые навыки, – сказал я и только потом понял, что только что услышал. – Погоди-ка. Мы в плане связи и друг от друга тоже отделены, получается?

– Стало быть, так, – вздохнул Эл. – Кто-то решил, что нам это не нужно. Что ж, спасибо. Значит, дело не в моих... урезанных навыках. Я просто хотел проверить.

– Секунду. – Я взял его за локоть. – Дружище, можешь рассказать мне подробнее про инцидент в Екатеринбурге?

– Подробнее я и сам не знаю, – ответил Эл. – Прилетел, вышел, хотел получить обязательную регистрацию. Я правил не нарушаю. За стойкой от Ночного Дозора стоял Евгений Морозко. Он отказался поставить мне печать.

– Почему?

– Он придумал кучу глупых причин. Сначала решил, что я перекушу половиной аэропорта, затем, напротив, прикопался к диете. То мои намерения его смутили, то в багаже заподозрил запрещенные амулеты.

– А они были?

– Какое это имеет значение? – опять улыбнулся Эл.

– И впрямь никакого, – согласился я. Даже если бы вампир пронес атомную бомбу, представитель Ночного Дозора должен был задержать его и доложить по форме руководству. Но никак не разворачивать гостя обратно.

– Евгений Морозко перешел на личности, грозился вызвать Инквизицию, – продолжал Эл. – Я мог ответить по всем пунктам, если бы произошло разбирательство, но решил, что до него доводить смысла нет. Мне были не рады, и я улетел домой.

– И не подал жалобу?

– А зачем? Представитель Дневного Дозора стоял рядом и лишь тоскливо смотрел на меня. Если и было объяснение странному поведению Светлого, то он не стал на мою сторону.

Я слушал объяснение и смотрел на фигуру Светлого мага, идущего с Линой рука об руку. Что ж, видимо, синдром вахтера не искоренить из некоторых людей даже после инициации.

– Ты все правильно сделал, Эл, – сказал я. – Не надо унижаться перед ними. А отдых – дело относительное. Считай, что получил опыт.

– Не могу не согласиться с вами, но лишь отчасти. В тот день я ничего нового не узнал. Если ты пьешь кровь, а потом не пьешь крови, то ты вдвойне предатель.

Эл чуть отстал, сунул руки в карманы и принялся разглядывать витрины по обеим сторонам улицы.

Я же ощутил некоторое внутреннее удовлетворение. Теория получила очередное подтверждение.

– Господа, а давайте поспорим на бутылку кефира, – предложил я громко. – Спорим, что седьмой участник нашей труппы клоунов будет иметь какую-то дикую черту характера или физический недуг, который сделает его не способным к оперативной работе?

– Это почему же? – спросил Морозко, не оглядываясь, но я видел, что он заметно напрягся.

– Лина не может видеть цвет ауры, – сказал я. – Таких не берут в дозорные. Думаю, ей дали шанс, и она не справилась. Даже меня при встрече посчитала за Светлого.

– Больше я этой ошибки с вами не повторю, – угрюмо сказала девушка.

– А больше и случая не представится. Дальше. Ромка, ты был понижен в должности. За какое правонарушение? Можешь сказать, все равно ведь узнаем.

Рома повернулся ко мне. В его лице не было и тени смущения.

– Официально – за жестокость, – ответил он. – Я «шухарта» брал в питерском метро, когда был там в гостях. Сломал ему обе руки.

– Шухарта? – сморщил лоб Эл. – Это не из...

– Светлый, творящий добро направо и налево, – пояснил я. – Их обычно сами Светлые присмиряют. Ничего, Рома, бывает. Эл, насчет тебя все понятно. Вампир в Дозоре – сама по себе ситуация нетипичная, но случается, если в городе не так много Иных. И почему ты вылетел с места, тоже ясно.

– Я не собираюсь пить кровь в дозах, больших, чем это требуется для выживания, – спокойно сказал вампир. – Это мое право.

– Твое. И твои же последствия. Евгений Морозко!

Маг даже не обернулся.

– С тобой ситуация еще проще, – сказал я с долей искреннего яда. – Ты попросту считаешь Темных быдлом.

Парень даже плечом не дернул. Лина обернулась на меня, глядя в недоумении.

– Такое тоже случается, – продолжал я. – Милый, домашний мальчик, узнавший в детском возрасте про Иных и, в сущности, так и не выбравшийся из этого детства. Добрые сказки, старые мультики. Идеалы добра в качестве опоры по жизни. Твердая уверенность в своей избранности и правоте. Инициация, обращение к Свету, сформировавшиеся архетипы поведения. Стиль, манеры, методы. Вот только к Дозорам вся эта муть отношения не имеет. В оперативниках ты не задержался, если вообще был туда принят. Ты возомнил, что производишь из той категории хороших, которые должны собраться и убить всех плохих. Но тебя всего лишь поставили на регистратуру в аэропорту, и ты счел эту работу низкой. Вот и стал самоутверждаться, неправомочно отказывая в регистрации Темным.

– Если есть претензии, вы можете обратиться к Инквизиции, – пробурчал Морозко, не оглядываясь.

– Вот тут, парень, я могу просто вклеить тебе в зад с ноги! – рявкнул я. – И развоплотить за попытку ответного нападения! За упоминание Инквизиции все!

Морозко развернулся ко мне с каменным лицом.

– Поэтому тебя называют Манипулятором? – спросил он. – Ты разводишь Светлых на добрые дела, чтобы получить право на злые?

– Добрые дела? – изумился я. – Добрые дела?! Дебил, ты и впрямь считаешь, что устранение Темных магов – это доброе дело?!

– Стоп! – крикнул Ромка, прыгая точно между нами. – С этим разобрались! А как насчет Махсуда? Он чем не пригоден к работе на улицах?

Вспомнив уравновешенного татарина, мирно ждущего свой плов, я почувствовал, что постепенно остываю. Сделав шаг назад, я стал рядом с Элом.

– В том и дело, что он пригоден, – сказал я. – Но не хочет. Он явно родился еще до заключения Великого Договора. Возможно, сама идея баланса Света и Тьмы ему не нравится. Что, правда, не делает невозможным его участие в Дозоре...

– Одни догадки, – изрекла Лина. – Красивая версия, Сергей. Очень красивая.

– Тебе нравится? – спросил я. – Ты согласна с ней?

– Согласна ли я с тем, что единственная из вас всех считаюсь неполноценной дозорной по причине инвалидности, в то время как вы все свои таланты добровольно слили? – горько вымолвила она. – Согласна ли я, что хочу, как пионерка, прилежно исполнять свои обязанности, но не делаю этого, потому что не могу исполнять их при всем желании? Несмотря на то что кажусь вам наивной и смешной? Согласна ли я попасть в собрание орангутангов, меряющихся

комплексами, при том что каждый выше меня уровнем и опытнее в битве? А какая разница, согласна ли я? Кто-то моего согласия спрашивал?

Морозко попытался обнять ее за плечи, но Лина отмахнулась от него и быстрым шагом пошла вперед, чуть слышно всхлипывая.

– Вот и поговорили, – сказал Эл.

Ромка осторожно почесал нос.

– Мы почти пришли, – сказал он. – Вот она, наша арка. Заходим?

Я подождал, пока остальные зайдут внутрь, и пошел замыкающим. Похоже, теперь при встрече с Иными придется спрашивать не только про приказы и амулет, а еще про отклонения от нормы, встречая естественную реакцию. И не в первый раз за час мне до скрипа на зубах захотелось передать руководство кому-нибудь другому.

Глава 7

На ступеньках у магазина сиротливо сидел незнакомый дяденька. Его одежда навевала мысли о застрявшем во времени старшем научном сотруднике времен одной великой державы. Светлые брюки устаревшего фасона, коричневые ботинки со шнурками, завязанными столь аккуратно, что по равномерности длин торчащих концов можно было бы сверять ткацкий метр. Свитер в клеточку, не скрывавший белого воротника. Между дяденькой и лестничным бетоном была благоразумно подстелена газета. Я бы не удивился, узнав, что она родом из тех же времен и ее последние страницы помнят кроссворды с терминологией гнивающего Запада, но свежая цветная обложка свидетельствовала, что сие печатное издание дядя приобрел в ближайшем киоске.

Дядя разгонял скуку чтением страниц, вырванных, судя по размеру, из той же газеты. Можно было даже различить раздел о сдаче квартир внаем. У меня возникло желание мотнуться на ближайшую толкучку и приобрести пузырь крымского самогона и трехлитровую банку с маринованными огурцами. Товарищ определенно бы заценил.

Увидев нас, он поспешно свернул газету и спрятал листки в портфель. Можно было и не проверять, что он там привез. Наверняка растрепанной газете компанию составляли гусиный паштет, кипятильник в стакане, пара застиранных носков и паспорт в козламе цвета детской неожиданности.

– А я-то думал, куда вы запропастились, – сказал он почти восхищенно. – Валерий Смирнов. Светлый, четвертого уровня. Ночной Дозор Орла. Приятно познакомиться.

Первое время никто из нас не произносил ни слова. Я тупо смотрел на седьмого участника и только потом понял, что не я один забыл посмотреть на него через Сумрак. Мы и подумать не могли, что в нашей молодежной тусовке могут появиться исключения.

Валерий Смирнов выглядел лет на пятьдесят. Вероятно, был инициирован в сладкие шестидесятые и с тех пор ни разу не выезжал за пределы родины. В другое время я бы с легкостью поставил сотню, что уж этот-то товарищ ни разу не был в бою со спятившей нежитью, не забывал мыть корпоративную чашку после работы и не допускал нарушений серьезнее, чем пропуск полива кактуса на подоконнике.

Ну не мог я представить, что именно этот человек – на самом деле Иной!

– Доброе утро, – кашлянул Ромка. – Ну, это... как оно?

Смирнов смотрел на нас по очереди с легкой улыбкой.

– Кто здесь главный? – спросил он.

Боковым зрением я заметил, что Ромка с ожиданием посмотрел на меня. Морозко лишь дышал в спину. Эл молча стоял чуть левее, а Лину вообще не было слышно.

Я уже было собрался сказать, что с руководством пока не определились, как понял, что этого нельзя делать. В таком случае Валерий Смирнов предложит свою скромную персону на роль массовика-затейника и не примет возражений уже никогда. Даже если придут прямые указания. Влезть без мыла, вылезти со скрипом – характерная черта советских Иных. Очень уж они любят давить возрастом, дутым авторитетом и принадлежностью к временам, когда в колбасе было мясо.

Это еще одно наше отличие от людей. При желании мы, конечно, можем выбирать себе идеологию на всю жизнь и придерживаться ее, оставаясь в стороне от веяний времени. Но это путь для поживших свое людей, а не для нас. И все же некоторые Иные именно так и живут. Валерий Смирнов был из их числа.

– О руководстве вам пока знать незачем, – сказал я спокойно, но по возможности попытавшись придать голосу стальные нотки. – Нам известно, что у вас имеется некое пятно в прошлом, Валерий. Будьте добры рассказать какое. От этого зависит наше с вами сотрудничество.

Неизвестно, что повлияло на Смирнова – моя интонация, тот факт, что он стоит перед тремя вроде как недовольными Темными, или же сработала впитавшаяся установка услужить новой компании. Но Светлый с виноватым видом дал прямой ответ.

– Сжег архив, – сказал он и тут же быстро добавил: – Все данные были восстановлены. С начальством все обсудили, все в порядке.

Я продолжал хранить молчание, строго глядя на него, но Смирнов больше ничего не сказал.

– Что за архив? – послышался голос Лины. Стало быть, не пошла в одиночестве бродить по городу в поисках сладкой ваты. Я даже ощутил короткий, еле различимый укол вины.

– Картотеку Иных по СССР, – понуро ответил Смирнов. – Я хотел продвинуть законопроект о начислении пенсий вышедшим в отставку дозорным. Мало ли что в жизни случиться может. У Темных ведь больше денег, чем у нас, так? Вот пусть и компенсируют. Только проект отклонили. Не помогло, и я... В общем, не сдержался.

Все суровое выражение с моей физиономии как рукой сняло. Мне стоило больших усилий подавить приступ хохота, грозящего перейти в дикий ржач. Как это похоже на Светлых...

Пенсия дозорным, надо же. Разумеется, за счет отчислений в период их службы. А точнее, отберем часть зарплаты у молодых и оставим себе. Интересно, когда Валерий Смирнов собирался уйти в отставку, чтобы на пенсии стричь купоны, – в тот же день, как проект был бы утвержден, или на следующий?

– Когда нервы не в порядке, очень помогает отпуск, – сказал Рома. – Угля попить активированного. Еще грязью обмазаться в Евпатории.

– Да согласен я, – бодро сказал Смирнов, и по его выражению было видно, что все эти подколки он многократно слышал от своего же штаба. – Говорю же, все утрясено.

– А приказы у вас какие? – спросил я.

Валерий раскрыл портфель, вытащил из него конверт, из конверта – листок бумаги и принялся читать:

– Настоящим приказываю Валерию Смирнову, Иному четвертого уровня, явиться в Севастополь шестнадцатого мая сего года и в девять часов десять минут утра сидеть на ступеньках возле магазина детского питания по адресу...

Дальше я не слушал. Меня зацепило кое-что другое.

Стилистика письма у Светлого была точно такой же, что и у моего. Вот только Завулон никак не мог отдавать приказ Смирнову. А между тем конверты всем подписывал кто-то один. С общим почерком и способом подбирать слова.

Раз уж на то пошло, то с чего я решил, что получил приказ от Завулона? Только потому, что он передал мне конверт лично в руки? Так все остальные в команде тем более ни разу с Великими не встречались. Наверняка конверты им дали боссы их региональных филиалов. И то, что у Лины письмо было подписано Гесером, еще ни о чем не говорит. Любой маг выше седьмого уровня способен был подложить ей обманку. Правда, не любой выдержал бы последующее неизбежное разбирательство.

– ...трое, – закончил читать Смирнов и убрал письмо в портфель.

– Что? – очнулся я от размышлений. – Повторите, пожалуйста, последние слова.

Смирнов защелкнул портфель и выпрямился.

– Я сказал, «остались еще трое», – проговорил он. – Постскрипtum в письме.

– Трое, – потер я подбородок. – Значит, нам суждено встретить еще троих.

– Вы на машине? – спросил Смирнов. – Нам ехать до Восставших. Это далеко.

– Бывали в Севастополе? – спросил Морозко.

– Нет. Карту смотрел. В газете была. А, еще у меня вот такая вещичка есть...

Порывшись в портфеле, Смирнов извлек консервную банку. Этикетка на краю весело блестела желтыми буквами: «Воздух Крыма».

– Классный сувенир, – заметил Эл. – За сколько брали? Махнемся?

– Я тоже сначала подумал, что просто сувенир, – виновато улыбнулся Смирнов. – Но это было в конверте с приказами. Думаю – ну, это не просто так. А потом проверил на магию. Ребята, это мощный амулет. Если эту банку открыть, то у всех оборотней поблизости спадет сумеречный облик!

– Не может быть! – вскричал я голосом Кисы Воробьянинова.

Смирнов возбужденно закивал. Вероятно, по долгу службы он крайне редко сталкивался с амулетами. И все же он сумел распознать эффект.

– Толкать такие сувениры туристам есть экономическое преступление, – заметил Эл.

– Да не, – задумался Ромка. – Если их реально в Крыму делают, то внутри в самом деле воздух Крыма. Факта обмана нет, так что...

Лина пошла обратно к арке.

– Куда ты? – спросил я.

– Тут такси, – ответила она.

– Вот это хорошо, – покивал Смирнов, хватая портфель и догоняя Лину. – Лучше приехать раньше и подождать, чем позже и затем извиняться.

Морозко направился за ними, не удостоив нас взглядом. Я его понимал. Нас собралось достаточно, чтобы разделить на группы. И, конечно, Светлые поедут в общей машине, а мы отдельно. И не имеет значения, что такси на улице только одно.

– Да пусть едут, – сказал Эл, следя за моим лицом. – Мы своим ходом доберемся.

– Мысли читаешь? – спросил я.

– Нет, просто нас слишком много, чтобы влезть в одну машину.

Я издал неопределенное бурчание. Совсем об этом не подумал.

– А ведь их и нас будет поровну, – заметил Ромка.

– Да, – согласился Эл. – Пока что статистика именно такова. Если встретим еще троих, то это получится...

– Пятеро Темных и столько же Светлых, – сказал я. – Ничего не напоминает?

Парни переглянулись.

– Пропавшие сотрудники Дозоров Севастополя, – пояснил я. – Их тоже было десять. Пополам тех и других.

Воцарилось напряженное молчание.

– Вы думаете, мы должны стать их заменой? – спросил Ромка.

– Очень здравый вопрос, – сказал я, разглядывая вывеску магазина. – Это было бы слишком очевидно. И не объясняет всей свистопляски с амулетами и последовательным сбором лиц по цепочке. Было бы проще прямо приписать нас к новому региону. Кроме того, работа в Дозоре подразумевает постоянное проживание в зоне деятельности. А у нас всех – лишь командировки.

– Бессрочные, – уточнил Ромка.

– Все может быть, – пробормотал я. – Но мне кажется, что не все так просто. Помяните мое слово, парни... Рома, поймай нам машину.

Но ничего ловить Ромке не пришлось – в арку аккуратно заехала старенькая, немного побитая «Волга». По нынешним временам – транспорт миллионеров, если учесть ее расход топлива.

Когда машина остановилась, из нее вышел Махсуд. Он выглядел сытым и почти ленивым. За рулем же находился неизвестный мне человек с оловянным взглядом. Наверняка частник.

– Добрый день всем, кого не видел, – сказал Махсуд.

Я молчал.

– Как плов? – поинтересовался я.

– Чудесно, благодарю, – чуть не поклонился Махсуд. – Обязательно отведайте при случае.

– Всенепременнейше, – пообещал я. – Махсуд, что тут происходит?

Татарин развел руками.

– Я не знаю, – ответил он. – Честное слово, не знаю.

– Ваши уехали только что, – сказал Ромка. – Все Светлые сейчас едут встречать нового.

– Да, я видел, – вымолвил Махсуд.

– Тогда чего с ними не поехал?

– Я боюсь. Я хочу остаться с вами. Так... безопаснее.

Ромка и Эл переглянулись.

Махсуд распахнул передо мной переднюю дверь.

– Прошу, садитесь, – сказал он. – Нам надо поговорить.

Предчувствуя что-то дурное, я принял предложение. Махсуд уселся назад посередине, Рома и Эл – по бокам от него. Светлый выбрал такое расположение ясно неспроста, и мне стало совсем тревожно.

Глава 8

Не знаю, что я ожидал до прибытия в Севастополь. Вероятно, именно этого я и хотел – шикарного приключения, в котором вел бы ключевую роль. Но сейчас, сидя в пропахшей старой кожей «Волге», я понимал, что ни к чему не готов.

Махсуд знал что-то, что хотел сообщить только Темным. Это меня нервировало дальше некуда. Особенно раздражало присутствие водителя-человека, даже невзирая на то, что он нас не видел и не слышал. А может, именно поэтому. Зато Ромка и Эл были спокойны, вот только начинать разговор не спешили.

– Скажи мне, Темный, – начал Махсуд, – что есть Великий Договор?

Я даже оторопел ненадолго.

– К чему он тут вообще? – спросил я.

– Просто ответь. Что есть Великий Договор?

Я уже было собрался прочесть текст легендарного соглашения, как понял, что татарин спрашивал вовсе не это. Он и сам мог бы прочесть текст. Любой Иной это может. Собственно, это одна из первых вещей, с которой ты знакомишься при входе в Сумрак.

Истинный вес Великого Договора – вовсе не в его содержании. Он в пиаре. Прекрасно помню, насколько пробирает первое прочтение Великого Договора, когда понимаешь, что все это происходит на самом деле, что вся твоя «инаковость» – не буйство фантазии, а реальность. Это чувство сродни тому, как в юности мечтать стать рок-музыкантом и добиться первого контракта на запись альбома и турне. Мечта обретает воплощение в миг, когда сидишь перед контрактом, готовясь поставить подпись, и этот листок бумаги не просто сухое изложение деталей сотрудничества – он есть знак того, что у тебя все получилось.

Уже потом снисходит озарение, что ты не просто получил в руки волшебную палочку, а попал в настоящий новый мир, который хоть и дивный, но ни разу не утопический, и, напротив, регулируется достаточно жесткими правилами. Свобода действия хороша до тех пор, пока не понимаешь, что вместе с ней растет и свобода некой противоположной стороны, получающей право сдерживать тебя по своему усмотрению.

– Великий Договор – это пропуск в мир Иных, – ответил я. – Наложение боевой раскраски на лицо перед первым сражением. Когда Иной знакомится с текстом Договора, он принимает на себя определенное бремя.

– Верно, – согласился Махсуд. – Великий Договор – это сразу и замок, и ключ. Это равновесие, и все Иные – его хранители. Даже те, кто его нарушает. Такие лишь пускают волны в Сумраке, будоражат берег с противоположной стороны. И возникает Сила, которая восстанавливает баланс.

– Сумрак регулирует равновесие, – проговорил я. – Создает, например, зеркальных магов.

– Нет, – возразил Махсуд. – Создает Сумрак, но регулируем мы.

– Не спорю. Сумрак реагирует на нашу инициативу. Мы что-то хотим от него, и Сумрак отвечает. Или не отвечает – тут уж как получится...

– Что будет, если двое Иных захотят что-то сделать сообща?

– Сумрак ответит на их воззвание в усиленной форме. Так работает Круг Силы, например.

– Да, – удовлетворенно сказал Махсуд. – Если Иной хочет чего-то, на что способен Сумрак, то сие будет сделано Сумраком. Если двое Иных захотят одного и того же, то Сумрак выполнит их пожелание не как два разных, но как одно, усиленное.

– М-м... согласен. Но ты к чему ведешь?

– Что будет, если сто Иных захотят одного и того же?

Я прикинул, какой ответ Махсуд хотел услышать. Что-то мне подсказывало, что тут речь не в арифметике.

– Ты имеешь в виду, что Сумрак в ответ на массовый вопрос не дает массовых ответов? – спросил я, поворачиваясь к Махсуду. – А дает один – но небывало мощный?

– Именно, – кивнул татарин с энтузиазмом. – Если множество Иных соглашаются что-то делать и делают это, причем долгое время, – Сумрак не может не отреагировать. Так что есть Великий Договор?

Я внезапно понял, что он имел в виду.

– Массовая воля Иных, – ответил я. – Глобальное соглашение...

– Сергей! Великий Договор – это величайшее в истории Сумрака заклинание.

Мне казалось, что Махсуд захочет развить свою мысль, но он лишь смотрел на меня с блеском в глазах.

Заклинание. Применять это слово к Иным – не совсем правильно, если подумать. Заклинание – штука фольклорная. Эдакое волшебное слово, в котором движущей магической силой является вербальная формулировка. Энеки-бенеки ели вареники. Считалочка для сказки, в которой по умолчанию возможно все, лишь бы знать слова. Но нам энергию дает Сумрак. И мы не можем сделать то, чего Сумрак изначально не позволяет. Можно, конечно, со временем нарастить навыки, получить больше полномочий, а став Высшим – и вовсе орудовать Силой напрямую, в обход промежуточных действий вроде пассов и слов. Но творить заклинания...

– Махсуд, я не понимаю, – признался я. – Какое заклинание? Что ты имеешь в виду?

– Я говорю, что Великий Договор не был принесен нам Сумраком, – голос Махсуда звучал неуверенно, но не потому, что татарин не знал, как сформулировать свою мысль, – он сомневался, стоит ли продолжать этот разговор, если я не могу уловить его идею с полуслова.

– И все равно я не понял.

– Я попробую объяснить. – Махсуд устроился поудобнее, насколько позволяло тесное пространство. – Что есть Щит Мага?

– Простое защитное заклинание. Барьер вокруг заклинателя, который...

– Я не про это. Что он есть?

– Реакция Сумрака на наше требование.

– Правильно. Маг не создает Щит. Он лишь дает понять Сумраку, что ему нужно, и Сумрак исполняет.

– Да. Хоть движущей силой является маг, но создает эффект Сумрак. Махсуд, мы же про это уже говорили...

– Нет, Сергей. Я о том, что все наши магические прошения обращены к Сумраку, а не к другому Иному, который вроде как был бы истинным источником нашей магии.

– Соглашусь.

– Но только не Великий Договор.

Я начал потихоньку вникать в суть разговора.

– Великий Договор – это соглашение Иных между собой, – сказал Махсуд. – Взаимодействие Высших, простых и низших Иных. Да еще во времена крови, боли и страданий. Момент, когда Иные просто сели и приняли решение. Решение, которое охватило весь их мир и которое подхватили последующие поколения Иных на протяжении многих веков.

– Ты прав, Махсуд. И что с того?

– Ну как что с того? – воскликнул татарин. – Скажи, это решение повлияло на Сумрак?

– Ну да. Ведь мы уже говорили – в случае перевеса одной стороны с другой появляется зеркальный маг...

– Значит, Сумрак отреагировал на Великий Договор?

– Значит, отреагировал, – сказал я неуверенно.

– Но почему? Ведь заключившие Договор к нему не обращались! Если эти прекрасные молодые люди, сидящие вокруг меня, поспорят на банку пива, что следующая машина, которую мы встретим, будет красная, а она окажется черная, и проигравший не отдаст пиво, – то с ним что-то случится? Его покарает Сумрак?

– Если примет знак «карающего огня» – то да, покарает, – ответил я. – В остальных случаях ничего не произойдет. Мы, Иные, не обязаны связывать с Сумраком наши внутренние соглашения.

– Тогда как так получилось, что Великий Договор, который был внутренним соглашением между Иными, оказался связан с Сумраком?

– Потому что они так захотели, – предположил я и сдался. – Можно мне помощь зала?

Эл сзади меня зашевелился.

– Потому что Изначальными Светом и Тьмой была в Сумраке заложена возможность ответить на коллективный зов, – сказал он. – Думаю, что, не будь у Сумрака некоего аналога техподдержки, никакие договора между Иными не прокатили бы на магическом уровне – они так и остались бы устными терками.

– Я не согласен, – произнес Ромка. – Мне кажется, что мы, Иные, можем больше, чем думаем. Ведь заклинания у нас все же есть, и мы ими пользуемся. Что создал один – может повторить другой. Если хватит уровня Силы, конечно.

– Мы пользуемся не сутью, а формулировкой, – опроверг Эл. – Когда Иной думает, что создал новое заклинание, он всего лишь вслепую набирает адрес ссылки в паутине мироздания. И если случайно угадал, то адрес окажется верным, и ссылка куда-то, да приведет. Мы первооткрыватели и последователи. Но мы не создаем земли.

– Это верная мысль, – подтвердил Махсуд, и что-то мне подсказывало, что за его уверенностью стоит большой жизненный опыт. – Иные не могут создать что-то из ничего, если это не поддерживается Сумраком. Но Великий Договор существует. Значит, Сумрак дал нам ответ на его исполнение – или не исполнение. И продолжает давать по сей день.

– Все это хорошо, – согласился я. – Но как это относится к причинам нашего тут пребывания?

Эл и Ромка затаили дыхание.

– Не знаю, – коротко ответил Махсуд. – Я просто хотел поделиться своими мыслями.

– Чудесно, – изрек я. – Давайте проведем еще час, болтая о философском дерьме вместо дела.

– Как хочешь, – сказал Махсуд невозмутимо. – А дозорные Севастополя меня слушали.

– Чего-чего? – снова повернулся я. – Ты говорил на эту тему с пропавшими Иными?

– Говорил. Но по их просьбе.

– Стоп, – помотал я головой. – Ты не говорил, что был знаком с Дозорами Севастополя.

– Я и не был знаком. Пока они не захотели со мной встретиться.

– А о чем они спрашивали?

– Их очень интересовало мнение старожиллов Крыма про сумеречных тварей.

Под колесами «Волги» монотонно стучала мостовая. Подвеска у машины была ни к черту. Глядя в окошко, я думал о том, что Махсуду в плов явно добавили местных грибов.

– Светлый, – осторожно обратился я, – ты можешь не скакать с темы на тему? Каких еще сумеречных тварей?

– Я никуда не скачу, Сергей, – пожал плечами Махсуд. – Дозорные Севастополя спросили у меня, что, по моему мнению, могло привести к приходу нового, невиданного прежде существа из Сумрака. Я ответил, что Сумрак всего лишь реагирует на действия Иных. Значит, Иные сделали или не сделали чего-то такого, что вызвало существо. А таким поступком может быть только тот, на который реагирует Сумрак. Они попросили рассказать подробнее.

– Я их всецело поддерживаю в этом ожидании.

– И я назвал Великий Договор. Дозорным от такого плохо стало. Какой-то Темный чуть не упал в обморок, второй радостно захлопал, а Светлая женщина стала плакать. Дальше я ушел и больше никого не видел. Все пропали.

– И ты молчал?!

– Как это молчал? Тут расследование было. Инквизиторы меня допросили.

– И что?

– Ничего им не дали мои слова, – ответил Махсуд. – Я думал про тот разговор все время, с тех пор как их не стало. О каком существе они говорили? При чем тут Великий Договор? Я так ничего и не понял, а потом получил конверт с указанием ждать вас в ресторане...

– Как ты получил конверт? – быстро спросил я.

– По почте, – сказал татарин. – Я тогда в Бахчисарае был, у друзей. Оттуда ехать недалеко. Полчаса на электричке.

– А почему ты захотел говорить про это только с нами?

– Потому что я боюсь. Клянусь, Сергей, я не знаю, что тут происходит. Но боюсь, что это повторяется. Московские маги собирают в Севастополе новых Иных. Светлые считают, что из нас сделают новые Дозоры.

– Ты думаешь, это не так?

– Я думаю, нас собрали для заклятия. Как и десятерых первых. Светлые примут такую участь. Темные – будут бороться. А я хочу бороться.

– Не парься, Махсуд, – посоветовал я. – Никто не хочет нами пожертвовать.

– Ты так думаешь?

– Махсуд, ты слишком долго жил в Таракташе. Вот увидишь, кто из нас окажется прав.

Что-то коснулось моего плеча. Скосив глаза, я увидел, как Махсуд протягивает мне гарнитуру от телефона.

– Это еще зачем? – спросил я.

– Возьми, – тихо попросил Махсуд. – Это мой амулет.

Я принял устройство, покрутив его в руках. Обычная «затычка» в ухо с фиксатором.

– А зачем оно мне? – спросил я.

– Таково назначение амулета. Я должен его кому-то дать. А что он делает – поймешь сам со временем. Сейчас он ничего не расскажет.

– Будь по-твоему, – не стал я возражать, пряча амулет в карман.

«Волга» прокатилась по кольцу и остановилась на небольшом пяточке.

– Приехали, – сказал водитель. – Восставших, шесть.

– Спасибо, – хлопнул я его по плечу. – Забудешь о нас, когда мы уйдем. Ром, оставь ему на пиво.

Глава 9

Площадь Восставших. Один из неформальных центров города, на котором ровным счетом ничего не происходит. Местечко было прямо создано для встреч, но большого скопления людей не наблюдалось. Напротив, на пяточке, где нас высадил водитель «Волги», никого не было, кроме команды наших Светлых. Хотя какие они мне «наши»...

Мы все вылезли из машины, Махсуд быстро отошел в сторону и закурил. Его поведение в машине слишком очевидно наводило на нехорошие мысли. Я не верил ни на грош, что Махсуду больше нечего сказать. Напротив, он хорошо знал, зачем дозорные Севастополя звали его, к чему были вопросы про Великий Договор. Он сообщил столько, сколько счел нужным. Если ему есть что еще сказать, то он скажет рано или поздно. Вопрос был в другом: чего или кого он ждет? Может, кого-то из нас боится? Светлого или Темного?

Мне захотелось вытащить гарнитуру, которую он мне дал, и просто прослушать, хотя бы тишину. Заодно стал бы выглядеть в глазах своей команды деятельным человеком, решающим некие важные, ему одному известные дела. Может, и впрямь услышал бы какое-нибудь послание. Однако Махсуд стоял напротив меня и не подавал ни единого знака, что мне следует так и поступить. В конце концов, будь это действительно важным, он бы сказал все прямо. Татарин не походил на Иного, готового тянуть резину без видимых причин, и плевать на его восточные шуточки и загадочные недомолвки. Махсуд действительно чего-то боялся.

Валерий Смирнов выделялся из команды Светлых. Он что-то объяснял Лине, бурно жестикулируя. Девушка смеялась в ответ тем самым смехом, которым некоторые женщины заполняют безразличие. Вряд ли она принимала рассказы Смирнова за чистую монету. Морозко стоял рядом, сунув руки в карманы, на его лице проступало полнейшее безразличие. Похоже, в Смирнове он угрозы не видел. Большая ошибка с его стороны. Если у него действительно чувства к этой дальтоничке, а Смирнов в самом деле хотел бы ее отбить – возможно, я бы поставил на Смирнова. У него вполне могло бы получиться. Внешней молодости не всегда достаточно.

Никому из Светлых, похоже, Махсуд не был интересен – его лишь слегка удостоили взглядом. Я даже подумал, что татарин на себя какое-нибудь отворотное заклятье наложил, но нет. Он просто был не из их мира – мира Иных, живших свою первую человеческую жизнь, со всеми ее горестями и радостями. Возможно, он напоминал им, какими они станут через пару веков.

Я не удивлюсь, если окажется, что все Иные произошли от Светлых. Думаю, первый Темный Иной получился, когда кучка Светлых начала пропалывать свои ряды, выгоняя белых ворон.

От мыслей меня оторвало кошачье мяуканье. Оно было настолько нестандартным, что я даже в недоумении осмотрел команду – неужто кто-то чревоуещанием балуется? Но нет – кот, судя по источнику звука, прятался где-то неподалеку.

– Ребята, – неуверенно произнесла Лина. – Вы слышите то же, что и я?

Поскольку я понятия не имел, что слышит Лина, я решил промолчать. Звук шел из-за угла Дома культуры, он казался все более жалобным, зовущим. Эл нахмурился, открыл рот и тут же закрыл. Крови ему, что ли, захотелось?

– Я посмотрю, – сказал Ромка и быстрым шагом пошел на звук.

Повинуясь порыву, я последовал за ним.

За углом, прижавшись к стенке, прятался кот настолько огромных размеров, что любой театрал с воплем упал бы перед ним на колени, чтобы только заполучить его к себе на подмостки. Он таранился на нас, растопырив глаза с вертикальными зрачками, словно впервые видел белого человека.

– Теперь я знаю, что значит «глаза как чайные блюдца», – задумчиво сказал Махсуд. – А то с детства в голову врезалось, а откуда – без понятия.

– Хватит, – сказал я. – Усатый, оборачивайся в нормальный вид.

Кот выл. Он барахтал лапами, словно не мог двинуться с места.

– Да хватит тебе уже, – сказал Смирнов и выронил портфель на асфальт. Внутри него послышался хруст. Смирнов тут же подхватил его, открыл и кинулся перебирать вещи.

– Эх, блин, – произнес он кисло. – Амулет разбил.

Его декоративная банка оказалась чем-то продавлена, выпуская драгоценный крымский воздух в атмосферу Севастополя.

Кот зафыркал и принялся расти в размере, теряя при этом кошачью форму. Когти втянулись, шерсть постепенно пропала. Перед нами стоял молодой парень лет восемнадцати, в спортивном костюме и кепочке, сдвинутой на ухо.

– Фух, вы меня спасли! – обрадовался он. – Тут у дома магия стоит какая-то. Меня, короче, поймало, и я не мог ни сбежать, ни в человека перекинуться. Спасибо, чуваки, выручили.

– Амулет подавления не работает против магов-перевертышей, – недоуменно произнес Смирнов. – Только против оборотней.

– А я и есть оборотень! – воскликнул парень.

– Нет, – усмехнулся я. – Не совсем оборотень. Или же тебе удалось вывести первую в истории Сумрака породу оборотней-котов.

– Да? – повернулся ко мне парнишка. – Да что ты знаешь, а?

– Много чего, – сказал я. – Например, имя. Ты же Клумси, верно? Тот самый Клумси.

– Ни разу не слышал ни про какого Клумси, – пожал плечами Эл.

– Иной с потенциалом перевертыша, неудачно инициированный укусом оборотня, – пояснил я. – Вроде бы самый обычный Темный маг, только перекидывающийся в огромного кота. Не в пантеру, не в тигра или леопарда и даже не в волка. А просто в кота.

– Зато огромного, – сказал Клумси с гордостью. – И укушен я был, между прочим, в бой!

– Читал я про твой бой, – сказал я. – На моменте с пивной бутылкой и кремом «Звездочка» даже кофе на пол пролил от смеха. А когда пошли детали про курение «Доширака»...

– Хватит! – скривился Клумси. – Пожалуйста!

– Хорошо, не буду, – согласился я. – Ты прав, извини. При женщинах как-то не очень говорить о таких вещах.

– Я ничего не поняла, – вымолвила Лина. – Так ты оборотень или перевертыш?

– Зависит от точки зрения, – ответил парень с достоинством. – Зови меня Клумси. Пусть я низший оборо... ой, маг, но меня сюда направил мой родной Дневной Дозор Уфы с особо важным поручением. Мне, короче, надо быть тут, где мы стоим, и ждать контору Иных разной масти. Это типа вы, братва?

– Типа мы, – ответил я. – Амулет у тебя какой?

Клумси сунул руку в карман кофты. Интересно, одежда настоящая или это иллюзия?

– Вот, – смущенно сказал он, показывая кошачий ошейник, по размерам похожий на ткацкие пяльцы. – Он жрет энергию в местах Силы.

– И что потом?

– И выплевывает обратно. Больше ничего. Я не знаю, для чего он нужен. Может, Источники какие раскачивает.

– Интересно, – подал голос Морозко. – Если собрать все наши амулеты, из них получится сделать какое-то супероружие?

– Сомневаюсь, – ответил я. – Вонь от этого ошейника попросту выжжет весь синий мох.

– Правда, что ли?

– У меня ничего не выжигает, – сказал Клумси с обиженным видом. – Когда путешествую по слоям, ничего такого не вижу.

Поначалу мне показалось, что кошкооборотень просто несет чепуху, но затем сказанные им слова показались мне не лишенными смысла. Все верно: если он перекидывается не в боевую форму мага, а в почти самого обычного кота, то он должен уметь перемещаться по всем базовым слоям Сумрака, который, как известно, открыт котам. Полезное умение, хотя и не настолько практичное, как может показаться. Пребывать на глубинных слоях ему будет даваться так же тяжело, как и нам, поскольку он все же не совсем кот.

Громкий рев двигателя заставил меня встрепунуться. Не потому что я был напуган – простые «бу!»-эффекты не действуют даже на самых низших магов. Просто очень не хотелось разбираться со случайным свидетелем превращения гигантских котов в людей или, что еще хуже, наоборот. Почему-то превращения в животных влияют на психику людей куда сильнее, чем обратный процесс.

Однако все обернулось куда неожиданнее. Прямо к ступенькам Центра подъехал мощный спортивный байк – малиновая «ямаха». Такой даже на столичных трассах встретишь не каждый день. Он блестел, словно только что выехал из салона. В управляющей им фигуре, наглухо облаченной в темно-красный в черную полосу гоночный костюм, отчетливо прослеживались женские очертания. Даже сплошной тонированный шлем не мог скрыть изящества поворота головы.

Девушка не торопилась слезать с мотоцикла. Рука в перчатке чуть подрагивала, словно прибывшая была готова в любой момент развернуться на месте и уехать от нас подальше. Если бы над нами висело заклинание незаметности, именно так все бы и произошло. Но не в этот раз. И даже не потому, что заклинание мы еще не поставили.

Девушка была Иной.

– Светлая, – произнес Морозко.

Лина выдохнула с невыразимым облегчением.

Выключив мотор, девушка поставила мотоцикл на опору и начала расстегивать шлем. На нас она пока что не обращала никакого внимания.

– Ты смотри, какие колеса, – сказал Эл, присвистнув. Я покосился на него, но он явно имел в виду мотоцикл. Ромка тоже уставился на байк с восхищением. Мне ни к чему было осуждать их приоритеты. Каждый мужчина-Иной проходит стадию, в которой женщин в жизни уже много, а дорогих игрушек – еще мало. Да, собственно, не только Иной. Казалось, им не терпится, когда девушка поскорее слезет с сиденья, чтобы как следует осмотреть кожу, из которого оно сделано.

– Пятьсот кубов, инфа сотка, – сказал Ромка.

– Вряд ли, – покачал головой Эл. – Двести пятьдесят максимум.

– Девятьсот девяносто восемь, – сказал я. – Разгон до сотни за две секунды.

– Ого, – поразился Ромка. – Не знал, что ты в мотоках шаришь, Серый.

– Я не шарю в мотоках, Ромка, – ответил я, не в силах оторвать глаз от солнечных переливов на блестящем костюме.

– Тогда откуда ты знаешь про этот байк?

Девушка сняла шлем, зачем-то дунув на его поверхность. Встряхнула головой, расплескивая по плечам роскошные, выкрашенные в красный волосы.

– Потому что я его покупал, – выговорил я.

В гробовой тишине все уставились на меня. Водительница мотоцикла обвела нас взглядом по очереди, словно прицениваясь, кто из нас более достоин начала разговора. И, как все, остановила взгляд на мне.

Я молчал. Ее взгляд был подобен осколку льда, пронзающему меня насквозь.

– Ты... – произнесла она и швырнула в меня шлем.

Я поймал его и зашатался – бросок был усилен Прессом. Не каждый маг способен точно кидать подручные предметы, усиливая свои движения вспомогательной магией. Это очень сложное и тонкое дело, которому нужно учиться. Оно недоступно скучающим секретаршам из бухгалтерии Дозоров или шоферам при начальниках. Подобное искусство шлифуют только боевые торпеды, заточенные под сольные операции.

Следом за шлемом в меня влетела остаточная волна «пресса». Для меня это была не столь серьезная атака, если подумать. От Пресса можно увернуться, можно отразить в противника, можно разбить входящую волну на две относительно слабые. Но я ничего не стал делать, чтобы избежать удара. Совсем ничего.

Вместо этого принял Пресс в себя и отлетел на пару шагов назад, все еще сжимая шлем в руках.

Как бы то ни было, мои ребята отреагировали оперативно: Ромка поймал меня, спасая от падения, Клумси запрыгнул на опору. Не знаю, что он намеревался сделать – возможно, атаковать сверху, в воздухе оборачиваясь в кота. При таком раскладе следовало бы больше опасаться не его когтей, а веса и сопутствующего эффекта, когда в тебя прилетает визжащий комок пушистой кошачьей массы размером с водяной бойлер.

Эл шагнул вперед, чуть приседая, раскидывая руки в стороны и машинально вытягивая уже не существующие клыки. Даже Морозко не остался в стороне – одной рукой задвинул Лину за спину, другой намечая средней мощности «фриз». Вероятно, жест с задвиганием Лины за себя скоро прочно пропишется в его гормональном кластере.

Девушка не двинулась с места. Продолжая сидеть на мотоцикле, она аккуратно сняла перчатки и похлопала. Ногти не отличались длиной, но про красный лак она не забыла.

– Браво, – произнесла она голосом, растворявшимся в воздухе, как молоко в меду. – Шляпа есть у кого, ребят? Я вам мелочи накидаю.

Протянув ей шлем, я остался стоять, словно ожидал исполнения обещания. Она забрала его одним рывком, не касаясь моих рук своими.

– Веда, – произнес я.

– Не смей произносить мое имя! – прошипела она, слезая с мотоцикла. – Еще одно слово, и...

Она умолкла, глядя на меня снизу вверх. При ее росте иначе не получилось бы, даже стань она на табуретку.

– Рад, что ты жива, – признался я. – Я не знал, где ты и что с тобой.

– Хотела бы я, чтобы так и оставалось, – ответила она со злостью, которая, впрочем, стала стихать. – Хочешь сказать, что не отслеживал меня по стране?

– Не отслеживал, – сказал я. – Честное слово, не отслеживал.

– Эй, ребята, – произнесла Лина. – Так вы что, знакомы?

Девушка со вздохом расстегнула молнию на воротнике куртки до середины груди, демонстрируя кулон в виде весов.

– Душно... – сказала она и посмотрела на Лину. – Кто у нас тут? Кучка Иных в городе, где Иных быть не должно, так, понятно. Меня зовут Анжела Возрожденная. Светлая Иная, первый уровень. Для друзей – Веда. Но только для друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.